

Старшая Эдда

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Эпосы, легенды и сказания

Старшая Эдда

«Азбука-Аттикус»

XIII век

УДК 821.113.3
ББК 84(0)4

Эпосы, легенды и сказания

Старшая Эдда / Эпосы, легенды и сказания — «Азбука-Аттикус»,
XIII век — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-20064-7

«Старшая Эдда» — одна из самых знаменитых эпических поэм Средневековья. Значение «Старшей Эдды» огромно. Вместе с «Илиадой» и «Одиссеей» она занимает одно из почетных мест в мировой литературе. Первая рукопись с песнями о богах и героях, столь популярными в Исландии, датирована XIII веком, однако принято относить их создание к очень отдаленным временам. «Старшая Эдда» — это не только уникальный материал по мифологии и важнейший источник для познания европейской, в частности скандинавской, истории и литературы, но и увлекательный текст, написанный с удивительным поэтическим мастерством. В настоящем издании «Старшая Эдда» публикуется в полном переводе, с подробными комментариями и вступительной статьей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.113.3
ББК 84(0)4

ISBN 978-5-389-20064-7

© Эпосы, легенды и сказания, XIII век
© Азбука-Аттикус, XIII век

Содержание

Средневековый героический эпос германских народов	6
Старшая Эдда	14
Песни о богах	14
Прорицание Вёльвы	14
Речи Высокого	25
Речи Вафтруднира	47
Речи Гримнира	57
Поездка Скирнира	65
Песнь о Харбарде	73
Песнь о Хюмире	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Старшая Эдда

© А. Я. Гуревич (наследник), статья, 2023

© М. И. Стеблин-Каменский (наследник), комментарии, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Средневековый героический эпос германских народов

Произведения германской героической поэзии относятся к средневековью – раннему (англосаксонский «Беовульф») и классическому (исландские песни «Старшей Эдды» и немецкая «Песнь о нибелунгах»). Истоки же германской поэзии о богах и героях – гораздо более древние. Уже Тацит, который одним из первых оставил описание германских племен, упоминает древние песни их о мифических предках и вождях: эти песни, по его утверждению, заменяли варварам историю. Замечание римского историка очень существенно: в эпосе воспоминания об исторических событиях сплавлены с мифом и сказкой, причем элементы фантастический и исторический в равной мере принимались за действительность. Разграничения между «фактами» и «вымыслом» применительно к эпосу в ту эпоху не проводилось. Но древнегерманская поэзия нам неизвестна, ее некому было записать. Темы и мотивы, бытовавшие в ней в устной форме на протяжении веков, отчасти воспроизводятся в эпосе. Во всяком случае, в нем нашли отражение события периода Великих переселений народов (V–VI века). Однако по «Беовульфу» или скандинавским песням, не говоря уже о «Песни о нибелунгах», нельзя восстановить духовную жизнь германцев эпохи господства родового строя. Переход от устного творчества певцов и сказителей к «книжному эпосу» сопровождался более или менее значительными изменениями в составе, объеме и в содержании песен. Достаточно напомнить о том, что в устной традиции песни, из которых затем развились эти эпические произведения, существовали в языческий период, тогда как письменную форму они приобрели столетия спустя после христианизации. Тем не менее христианская идеология не определяет содержания и тональности эпических поэм, и это становится особенно ясным при сравнении германского героического эпоса со средневековой латинской литературой, как правило глубоко пронизанной церковным духом¹.

Эпическое произведение универсально по своим функциям. Сказочно-фантастическое не отделено в нем от реального. Эпос содержит сведения о богах и других сверхъестественных существах, увлекательные рассказы и поучительные примеры, афоризмы житейской мудрости и образцы героического поведения; назидательная функция его столь же неотъемлема, как и познавательная. Он охватывает и трагическое, и комическое. На той стадии, когда возникает и развивается эпос, у германских народов не существовало в качестве обособленных сфер интеллектуальной деятельности знаний о природе и истории, философии, художественной литературы или театра, – эпос давал законченную и всеобъемлющую картину мира, объяснял его происхождение и дальнейшие судьбы, включая и самое отдаленное будущее, учил отличать добро от зла, наставлял в том, как жить и как умирать. Эпос вмещал в себя древнюю мудрость, знание его считалось необходимым для каждого члена общества.

Целостности жизненного охвата соответствует и цельность выводимых в эпосе характеров. Герои эпоса вырублены из одного куска, каждый олицетворяет какое-то качество, детерминирующее его сущность. Беовульф – идеал мужественного и решительного воина, неизменного в верности и дружбе, щедрого и милостивого короля. Гудрун – воплощенная преданность роду, женщина, мстящая за гибель братьев, не останавливаясь перед умерщвлением собственных сыновей и мужа, подобно (но вместе с тем и в противоположность) Кримхильде, которая губит своих братьев, карая их за убийство любимого супруга Зигфрида и отнятие у нее золотого клада. Эпический герой не мучим сомнениями и колебаниями, его характер выявляется в действиях; речи его столь же однозначны, как и поступки. Эта монолитность героя эпоса объ-

¹ Впрочем, сколь различные оценки получала мировоззренческая основа эпической поэзии, явствует хотя бы из следующих двух суждений о «Песни о нибелунгах»: «в основе языческая»; «средневеково-христианская». Первая оценка – Гёте, вторая – А.-В. Шлегеля.

ясняется тем, что он знает свою судьбу, принимает ее как должное и неизбежное и смело идет ей навстречу. Эпический герой не свободен в своих решениях, в выборе линии поведения. Собственно, его внутренняя сущность и та сила, которую героический эпос именует Судьбою, совпадают, идентичны. Поэтому герою остается лишь наилучшим образом доблестно выполнить свое предназначение. Отсюда – своеобразное, может быть на иной вкус немного примитивное, величие эпических героев.

При всех различиях в содержании, тональности, равно как и в условиях и времени их возникновения, эпические поэмы не имеют автора. Дело не в том, что имя автора неизвестно², – анонимность эпических произведений принципиальна: лица, которые объединили, расширили и переработали находившийся в их распоряжении поэтический материал, не осознавали себя в качестве авторов написанных ими произведений. Это, разумеется, не означает, что в ту эпоху вообще не существовало понятия авторства. Известны имена многих исландских скальдов, которые заявляли о своем «авторском праве» на исполняемые ими песни. «Песнь о нибелунгах» возникла в период, когда творили крупнейшие немецкие миннезингеры и по французским образцам создавались рыцарские романы; эту песнь написал современник Вольфрама фон Эшенбаха, Гартмана фон Ауэ, Готфрида Страсбургского и Вальтера фон дер Фогельвейде. И тем не менее поэтическая работа над традиционным эпическим сюжетом, над героическими песнями и преданиями, которые в более ранней форме были всем знакомы, в средние века не оценивалась как творчество ни обществом, ни самим поэтом, создававшим такого рода произведения, но не помышлявшим о том, чтобы упомянуть свое имя³.

Черпая из общего поэтического фонда, составитель эпической поэмы сосредоточивал внимание на избранных им героях и сюжете, оттесняя на периферию повествования многие другие связанные с этим сюжетом предания. Подобно тому как луч прожектора высвечивает отдельный кусок местности, оставляя во мраке бо́льшую ее часть, так и автор эпической поэмы (автор в указанном сейчас смысле, т. е. поэт, лишенный авторского самосознания), разрабатывая свою тему, ограничивался намеками на ее ответвления, будучи уверен в том, что его аудитории уже известны все события и персонажи, как воспеваемые им, так и те, которые лишь вскользь им упоминались. Сказания и мифы германских народов нашли лишь частичное воплощение в их эпических поэмах, сохранившихся в письменном виде, – остальное либо пропало, либо может быть восстановлено только косвенным путем. В песнях «Эдды» и в «Беовульфе» в изобилии разбросаны беглые указания на королей, их войны и раздоры, на мифологических персонажей и предания. Немногословных аллюзий было вполне достаточно для того, чтобы в сознании слушателей или читателей героического эпоса возникли соответствующие ассоциации. Эпос обычно не сообщает чего-либо совершенно нового. Сила его эстетического и эмоционального воздействия от того несколько не умаляется, – наоборот, в архаическом и в средневековом обществе наибольшее удовлетворение доставляло, по-видимому, не получение оригинальной информации, или не только ее, но и узнавание ранее известного, новое подтверждение старых и потому особенно ценимых истин⁴.

Эпический поэт, обрабатывая не ему принадлежавший материал, героическую песнь, миф, сказание, легенду, широко применяя традиционные выражения, устойчивые сравнения и формулы, образные клише, заимствованные из устного народного творчества, не мог считать себя самостоятельным творцом, сколь на самом деле ни был велик его вклад в окончательное создание героической эпопеи. Это диалектическое сочетание нового и воспринятого от пред-

² В науке не раз делались – неизменно малоубедительные – попытки установить авторов эдических песен или «Песни о нибелунгах».

³ Сказанное относится и к некоторым видам прозаического творчества, например к исландским сагам и ирландским сказаниям. См. предисловие М. И. Стеблин-Каменского к изданию исландских саг в «Библиотеке всемирной литературы».

⁴ Не будет ли здесь уместно сравнение с детским восприятием сказки? Ребенок знает ее содержание, но его удовольствие от все нового ее прослушивания не убывает.

шественников постоянно порождает в современном литературоведении споры: наука склоняется то к подчеркиванию народной основы эпоса, то в пользу индивидуального творческого начала в его создании.

Формой германской поэзии на протяжении целой эпохи оставался тонический аллитерационный стих. Особенно долго эта форма сохранялась в Исландии, тогда как у континентальных германских народов уже в раннее средневековье она сменяется стихом с конечной рифмой. «Беовульф» и песни «Старшей Эдды» выдержаны в традиционной аллитерационной форме, «Песнь о нибелунгах» – в новой, основанной на рифме. Старогерманское стихосложение опиралось на ритм, определявшийся числом ударных слогов в стихотворной строке. Аллитерация – созвучие начальных звуков слов, стоявших под смысловым ударением и повторявшихся с определенной регулярностью в двух соседних строках стиха, которые в силу этого оказывались связанными. Аллитерация слышна и значима в германском стихе, поскольку ударение в германских языках преимущественно падает на первый слог слова, являющийся вместе с тем его корнем. Понятно поэтому, что воспроизведение этой формы стихосложения в русском переводе почти невозможно. Весьма затруднительно передать и другую особенность скандинавского и древнеанглийского стиха, так называемый кеннинг (буквально – «обозначение») – поэтический перифраз, заменяющий одно существительное обычной речи двумя или несколькими словами. Кеннинги применялись для обозначения наиболее существенных для героической поэзии понятий: «вождь», «воин», «меч», «щит», «битва», «корабль», «золото», «женщина», «ворон», причем для каждого из этих понятий существовало по несколько или даже по многу кеннингов. Вместо того чтобы сказать «князь», в поэзии употребляли выражение «даритель колец», распространенным кеннингом воина был «ясень сражения», меч называли «палкой битвы» и т. д. В «Беовульфе» и в «Старшей Эдде» кеннинги обычно двучленные, в скальдической же поэзии встречаются и многочленные кеннинги.

«Песнь о нибелунгах» построена на «кюренберговой строфе», которая состоит из четырех попарно рифмованных стихов. Каждый стих разделен на два полустишия с четырьмя ударными слогами в первом полустишии, тогда как во втором полустишии первых трех стихов – по три ударения, а во втором полустишии последнего стиха, завершающем строфу и формально, и по смыслу, – четыре ударения. Перевод «Песни о нибелунгах» со средневерхненемецкого языка на русский не встречает таких трудностей, как перевод аллитерированной поэзии, и дает представление о ее метрической структуре.

СТАРШАЯ ЭДДА

Песни о богах и героях, условно объединяемые названием «Старшая Эдда»⁵, сохранились в рукописи, которая датируется второй половиной XIII века. Неизвестно, была ли эта рукопись первой, или у нее были какие-то предшественники. Предыстория рукописи так же неизвестна, как и предыстория рукописи «Беовульфа». Существуют, кроме того, некоторые другие записи песен, также причисляемых к эддическим. Неизвестна и история самих песен, и на этот счет выдвигались самые различные точки зрения и противоречащие одна другой теории. Диапазон в датировке песен нередко достигает нескольких столетий. Не все песни возникли в Исландии: среди них имеются песни, восходящие к южногерманским прототипам; в «Эдде» встречаются мотивы и персонажи, знакомые по англосаксонскому эпосу; немало было, видимо, принесено из других скандинавских стран. Не останавливаясь на бесчисленных кон-

⁵ Название «Эдда» было дано в XVII веке первым исследователем рукописи, который перенес на нее наименование книги исландского поэта и историка XIII века Снорри Стурлусона, так как Снорри в рассказе о мифах опирался на песни о богах. Поэтому трактат Снорри принято называть «Младшей Эддой», а собрание мифологических и героических песен – «Старшей Эддой». Этимология слова «Эдда» неясна.

троверзах по поводу происхождения «Старшей Эдды», отметим только, что в самом общем виде развитие в науке шло от романтических представлений о чрезвычайной древности и архаической природе песен, выражающих «дух народа», к трактовке их как книжных сочинений средневековых ученых-«антикваров», которые подражали старинной поэзии и стилизовали под миф свои религиозно-философские воззрения.

Ясно одно: песни о богах и героях были популярны в Исландии в XIII веке. Можно полагать, что, по крайней мере, часть их возникла намного раньше, еще в бесписьменный период. В отличие от песен исландских поэтов-скальдов, почти для каждой из коих мы знаем автора, эддические песни анонимны. Мифы о богах, рассказы о Хельги, Сигурде, Брюнхильд, Атли, Гудрун были общенародным достоянием, и человек, пересказывавший или записавший песнь, даже пересоздавая ее, не считал себя ее автором. Перед нами – эпос, но эпос очень своеобразный. Это динамичная и сжатая песнь, в немногих словах или строфах излагающая судьбы героев или богов, их речи и поступки. Специалисты объясняют эту необычную для эпического стиля спрессованность эддических песен спецификой исландского языка. Но нельзя не отметить и еще одно обстоятельство. Широкое эпическое полотно, подобное «Беовульфу» или «Песни о нибелунгах», вмещает в себя несколько сюжетов, множество сцен, объединяемых общими героями и временной последовательностью, тогда как песни «Старшей Эдды» обычно (хотя и не всегда) сосредоточивают внимание на одном эпизоде. Правда, большая их «отрывочность» не мешает наличию в тексте песен разнообразных ассоциаций с сюжетами, которые разрабатываются в других песнях, вследствие чего изолированное чтение отдельно взятой песни затрудняет ее понимание, – разумеется, понимание современным читателем, ибо средневековые исландцы, можно не сомневаться, знали и остальное. Об этом свидетельствуют не только разбросанные по песням намеки на события, в них не описываемые, но и кеннинги. Если для понимания кеннинга типа «земля ожерелий» (женщина) или «змея крови» (меч) достаточно было лишь привычки, то такие кеннинги, как, например, «страж Мидгарда», «сын Игга», «сын Одина», «потомок Хлодюн», «муж Сив», «отец Магни» или «хозяин козлов», «убийца змея», «возничий», предполагали у читателей или слушателей знание мифов, из которых только и можно было узнать, что во всех случаях подразумевался бог Тор.

Песни о богах и героях в Исландии не «разбухали» в обширные эпопеи, как это имело место во многих других случаях⁶. Конечно, сама по себе длина поэмы мало о чем говорит, но контраст тем не менее разительный. Сказанное не означает, что эддическая песнь во всех случаях ограничивалась разработкой одного эпизода. В «Прорицании вёльвы» сохранилась мифологическая история мира от его создания и до предрекаемой колдуньей гибели вследствие проникшего в него зла и даже до возрождения и обновления мира. Ряд этих сюжетов затрагивается и в «Речах Вафтруднира», и в «Речах Гримнира». Эпический охват характеризует и «Пророчество Грипира», где как бы резюмируется весь цикл песен о Сигурде. Но самые широкие картины мифологии или героической жизни в «Старшей Эдде» всегда даются очень лаконично и даже, если угодно, «конспективно». Эта «конспективность» особенно видна в так называемых тулах – перечнях мифологических (а иногда и исторических) имен⁷. Нынешнего читателя обилие имен собственных, даваемых к тому же без дальнейших пояснений, ставит в тупик, – они ничего ему не говорят. Но для скандинава того времени дело обстоит совершенно не так! С каждым именем в его памяти связывался определенный эпизод мифа или героической эпопеи, и это имя служило ему как бы знаком, который обычно нетрудно было расшифровать. Для понимания того или иного имени специалист вынужден обращаться к справочникам, память же средневекового исландца, более емкая и активная, чем наша, в

⁶ В «Беовульфе» 3182 стиха, в «Песни о нибелунгах» втрое больше (2379 строф по четыре стиха в каждой), тогда как в самой длинной из эддических песен, «Речах Высокого», всего 164 строфы (число стихов в строфах колеблется), и ни одна другая песнь, кроме «Гренландских речей Атли», не превышает сотни строф.

⁷ См. «Прорицание вёльвы», ст. 11–13, 15, 16, «Речи Гримнира», ст. 27 след., «Песнь о Хюндле», ст. 11 след.

силу того что приходилось полагаться только на нее, без затруднений выдавала ему нужную информацию, и при встрече с этим именем в его сознании развертывался весь относящийся к нему рассказ. Иными словами, в сжатой и сравнительно немногословной эддической песни «закодировано» куда больше содержания, чем это может показаться непосвященному.

Отмеченные обстоятельства – то, что некоторые черты песен «Старшей Эдды» на современный вкус кажутся странными и лишенными эстетической ценности (ибо какое же художественное наслаждение можно ныне получить от чтения неведомо чьих имен!), равно и то, что песни эти не развертываются в широкую эпопею, наподобие произведений англосаксонского и немецкого эпоса, – свидетельствуют об их архаичности. В песнях широко применяются фольклорные формулы, клише и иные стилистические приемы, характерные для устного стихосложения. Типологическое сопоставление «Старшей Эдды» с другими памятниками эпоса также заставляет отнести ее генезис к весьма отдаленным временам, во многих случаях к более ранним, чем начало заселения Исландии скандинавами в конце IX – начале X века. Хотя сохранившаяся рукопись «Эдды» – младшая современница «Песни о нибелунгах», эддическая поэзия отражает более раннюю стадию культурного и общественного развития. Объясняется это тем, что в Исландии и в XIII веке не были изжиты доклассовые отношения и несмотря на принятие христианства еще в 1000 году исландцы усвоили его сравнительно поверхностно и сохранили живую связь с идеологией языческой поры. В «Старшей Эдде» можно найти следы христианского влияния, но в целом ее дух и содержание очень от него далеки. Это скорее дух воинственных викингов, и, вероятно, к эпохе викингов, периоду широкой военной и переселенческой экспансии скандинавов (IX–XI века), восходит немалая часть эддического поэтического наследия. Герои песен «Эдды» не озабочены спасением души, посмертная награда – это долгая память, оставляемая героем среди людей, и пребывание павших в бою витязей в чертоге Одина, где они пируют и заняты воинскими забавами.

Обращает на себя внимание разнотильность песен, трагических и комических, элегических монологов и драматизированных диалогов, поучения сменяются загадками, прорицания – повествованиями о начале мира. Напряженная риторика и откровенная дидактичность многих песен контрастируют со спокойной объективностью повествовательной прозы исландских саг. Этот контраст заметен и в самой «Эдде», где стихи нередко перемежаются прозаическими кусками. Может быть, то были добавленные позднее комментарии, но не исключено, что сочетание поэтического текста с прозой образовывало органическое целое еще и на архаической стадии существования эпоса, придавая ему дополнительную напряженность.

Эддические песни не составляют связного единства, и ясно, что до нас дошла лишь часть их. Отдельные песни кажутся версиями одного произведения; так, в песнях о Хельги, об Атли, Сигурде и Гудрун один и тот же сюжет трактуется по-разному. «Речи Атли» иногда истолковывают как позднейшую расширенную переработку более древней «Песни об Атли».

В целом же все эддические песни подразделяются на песни о богах и песни о героях. Песни о богах содержат богатейший материал по мифологии, это наш важнейший источник для познания скандинавского язычества (правда, в очень поздней, так сказать, «посмертной» его версии).

Образ мира, выработанный мыслью народов Северной Европы, во многом зависел от образа их жизни. Скотоводы, охотники, рыбаки и мореходы, в меньшей мере земледельцы, они жили в окружении суровой и слабо освоенной ими природы, которую их богатая фантазия легко населяла враждебными силами. Центр их жизни – обособленный сельский двор. Соответственно и все мироздание моделировалось ими в виде системы усадеб. Подобно тому как вокруг их усадеб простирались неводеланные пустоши или скалы, так и весь мир мыслился ими состоящим из резко противопоставленных друг другу сфер: «срединная усадьба» (Ми́дгард), то есть мир человеческий, окружена миром чудищ, великанов, постоянно угрожающих миру культуры; этот дикий мир хаоса именовали У́тгардом (буквально: «то, что находится за

оградой, вне пределов усадьбы»)⁸. Над Мидгардом высится А́сгард – твердыня богов – а́сов. Асгард соединен с Мидгардом мостом, образованным радугой. В море плавает мировой змей, тело его опоясывает весь Мидгард. В мифологической топографии народов Севера важное место занимает ясень Иггдрасиль, связывающий все эти миры, в том числе и нижний – царство мертвых Хель.

Рисующиеся в песнях о богах драматические ситуации обычно возникают как результат столкновений или соприкосновений, в которые вступают разные миры, противопоставленные один другому то по вертикали, то по горизонтали. О́дин посещает царство мертвых – для того чтоб заставить вёльву открыть тайны грядущего, и страну великанов, где выпрашивает Вафтруднира. В мир великанов отправляются и другие боги (для добывания невесты или молота Тора). Однако песни не упоминают визитов асов или великанов в Мидгард. Противопоставление мира культуры миру *некультуры* общо и для эддических песен, и для «Беовульфа»; как мы знаем, в англосаксонском эпосе земля людей тоже именуется «срединным миром». При всех различиях между памятниками и сюжетами и здесь и там мы сталкиваемся с темой борьбы против носителей мирового зла – великанов и чудовищ.

Как Асгард представляет собой идеализированное жилище людей, так и боги скандинавов во многом подобны людям, обладают их качествами, включая и пороки. Боги отличаются от людей ловкостью, знаниями, в особенности – владением магией, но они – не всеведущи по своей природе и добывают знания у более древних родов великанов и карликов. Великаны – главные враги богов, и с ними боги ведут непрекращающуюся войну. Глава и вождь богов Один и иные асы стараются перехитрить великанов, тогда как Тор борется с ними с помощью своего молота Мьёлльнира. Борьба против великанов – необходимое условие существования мироздания; не ведающие боги – великаны давно погубили бы и их самих, и род людской. В этом конфликте боги и люди оказываются союзниками. Тора часто называли «заступником людей». Один помогает мужественным воинам и забирает к себе павших героев. Он добыл мед поэзии, принеся самого себя в жертву, добыл руны – священные тайные знаки, при помощи которых можно творить всяческое колдовство. В Одине видны черты «культурного героя» – мифического предка, наделившего людей необходимыми навыками и знаниями.

Антропоморфность асов сближает их с богами античности, однако, в отличие от последних, асы не бессмертны. В грядущей космической катастрофе они вместе со всем миром погибнут в борьбе с мировым волком. Это придает их борьбе против чудовищ трагический смысл. Подобно тому как герой эпоса знает свою судьбу и смело идет навстречу неизбежному, так и боги: в «Прорицании вёльвы» колдунья вещает Одину о близящейся роковой схватке. Космическая катастрофа явится результатом морального упадка, ибо асы некогда нарушили данные ими обеты, и это ведет к развязыванию в мире сил зла, с которыми уже невозможно совладать. Вёльва рисует впечатляющую картину расторжения всех священных связей: см. строфу 45 ее пророчеств, где предрекается самое страшное, что может случиться с человеком, на взгляд членов общества, в котором еще сильны родовые традиции, – вспыхнут распри между родственниками, «братья начнут биться друг с другом...».

Эллинские боги имели среди людей своих любимчиков и подопечных, которым всячески помогали. Главное же у скандинавов – не покровительство божества отдельному племени или индивиду, а сознание общности судеб богов и людей в их конфликте с силами, несущими упадок и окончательную гибель всему живому. Поэтому вместо светлой и радостной картины эллинской мифологии эддические песни о богах рисуют полную трагизма ситуацию всеобщего мирового движения навстречу неумолимой судьбе.

Герой перед лицом Судьбы – центральная тема героических песен. Обычно герой осведомлен о своей участи: либо он одарен способностью проникать в будущее, либо ему кто-то

⁸ В состав Утгарда входят Страна великанов – ётунов, Страна альвов – карликов.

открыл его. Какова должна быть позиция человека, знающего наперед о грозящих ему бедах и конечной гибели? Вот проблема, на которую эддические песни предлагают однозначный и мужественный ответ. Знание судьбы не повергает героя в фаталистическую апатию и не побуждает его пытаться уклониться от грозящей ему гибели; напротив, будучи уверен в том, что выпавшее ему в удел неотвратимо, он бросает вызов судьбе, смело принимает ее, заботясь только о посмертной славе. Приглашенный в гости коварным Атли Гуннар заранее знает о подстерегающей его опасности, но без колебаний отправляется в путь; так велит ему чувство героической чести. Отказываясь откупиться золотом от смерти, он гибнет. «...Так должен смелый, кольца дарящий, // добро защищать!» («Гренландская песнь об Атли», 31).

Но наивысшее благо – доброе имя героя. Все преходяще, гласят афоризмы житейской мудрости, и родня, и богатство, и собственная жизнь, – навсегда остается одна только слава о подвигах героя («Речи Высокого», 76, 77). Как и в «Беовульфе», в эддических песнях слава обозначается термином, который одновременно имел значение «приговор» (древнеисл. *dómr*, древнеангл. *dōm*), – герой озабочен тем, чтобы его подвиги не были забыты людьми. Ибо судят его люди, а не какая-либо верховная инстанция. Героические песни «Эдды», несмотря на то что они существовали в христианскую эпоху, не упоминают суда Божьего, все свершается на земле, и к ней приковано внимание героя.

В отличие от персонажей англосаксонской эпопеи – вождей, которые возглавляют королевства или дружины, скандинавские герои действуют в одиночестве. Исторический фон отсутствует⁹, и упоминаемые в «Эдде» короли эпохи Великих переселений [Атли – король гуннов Аттила, Ёрмунрекк – остготский король Германарих (Эрманарих), Гуннар – бургундский король Гундахарий] утратили с историей всякую связь. Между тем исландцы того времени пристально интересовались историей, и от XII и XIII веков сохранилось немало созданных ими исторических сочинений. Дело, следовательно, не в отсутствии у них исторического сознания, а в особенностях трактовки материала в исландских героических песнях. Автор песни сосредоточивает все свое внимание исключительно на герое, на его жизненной позиции и судьбе¹⁰.

Другое отличие эддического эпоса от англосаксонского – более высокая оценка женщины и интерес к ней. В «Беовульфе» фигурируют королевы, служащие украшением двора и залогом мира и дружеских связей между племенами, но и только. Какой разительный контраст этому являют героини исландских песен! Перед нами – яркие, сильные натуры, способные на самые крайние, решительные поступки, которые определяют все развитие событий. Роль женщины в героических песнях «Эдды» не меньшая, чем мужчины. Мстят за обман, в который она была введена, Брюнхильд добивается гибели любимого ею Сигурда и умерщвляет себя, не желая жить после его смерти: «...не слабой была жена, если заживо // в могилу идет за мужем чужим...» («Краткая песнь о Сигурде», 41). Вдова Сигурда Гудрун тоже охвачена жаждой мести: но мстит она не братьям – виновникам гибели Сигурда, а своему второму мужу, Атли, который убил ее братьев; в этом случае родственный долг действует безотказно, причем жертвой ее мести падают прежде всего их сыновья, кровавое мясо которых Гудрун подает Атли в качестве угощения, после этого она умерщвляет мужа и погибает сама в запаленном ею пожаре. Эти чудовищные поступки тем не менее имеют определенную логику: они не означают, что Гудрун была лишена чувства материнства. Но дети ее от Атли не были членами ее рода, они входили в род Атли; не принадлежал к ее роду и Сигурд. Поэтому Гудрун должна мстить Атли за гибель братьев, своих ближайших сородичей, но не мстит братьям за убийство ими Сигурда, – даже мысль о подобной возможности не приходит ей в голову! Запомним это – ведь сюжет «Песни о нибелунгах» восходит к тем же сказаниям, но развивается совсем иначе.

⁹ «Песнь о Хлёде», хранящая отголоски каких-то исторических событий, кажется исключением.

¹⁰ В Исландии в период записи героических песен не существовало государства; между тем исторические мотивы интенсивно проникают в эпос обычно в условиях государственной консолидации.

Родовое сознание вообще господствует в песнях о героях. Сближение различных по происхождению сказаний, как заимствованных с юга, так и собственно скандинавских, объединение их в циклы сопровождалось установлением общей генеалогии фигурирующих в них персонажей. Хёгни из вассала бургундских королей был превращен в их брата. Брюнхильд получила отца и, что еще важнее, брата Атли, вследствие чего ее смерть оказалась причинно связанной с гибелью бургундских Гьёкунгов: Атли завлек их к себе и умертвил, осуществляя кровную месть за сестру. У Сигурда появились предки – Вёльсунги, род, восходивший к Одину. «Породнился» Сигурд и с героем поначалу совершенно обособленного сказания – Хельги, они стали братьями, сыновьями Сигмунда. В «Песни о Хюндле» в центре внимания находятся перечни знатных родов, и великанша Хюндла, которая рассказывает юноше Оттару о его предках, открывает ему, что он связан родством со всеми прославленными семьями Севера, в том числе и с Вёльсунгами, Гьёкунгами и в конечном счете даже с самими асами.

Художественное и культурно-историческое значение «Старшей Эдды» огромно. Она занимает одно из почетных мест в мировой литературе. Образы эддических песен наряду с образами саг поддерживали исландцев на всем протяжении их нелегкой истории, в особенности в тот период, когда этот маленький народ, лишенный национальной независимости, был почти обречен на вымирание и в результате чужеземной эксплуатации, и от голода и эпидемий. Память о героическом и легендарном прошлом давала исландцам силы продержаться и не погибнуть.

А. Гуревич

Старшая Эдда

Песни о богах

Прорицание Вёльвы

1 Внимайте мне все
священные роды,
великие с малыми
Хеймдалля дети!
О́дин, ты хочешь,
чтоб я рассказала
о прошлом всех сущих,
о древнем, что помню.

2 Великанов я помню,
рожденных до века,
породили меня они
в давние годы;
помню девять миров
и девять корней
и древо предела,
еще не проросшее.

3 В начале времен,
когда жил Имир,
не было в мире
ни песка, ни моря,
земли еще не было
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла.

4 Пока сыны Бора,
Мидгард создавшие
великолепный,
зе́мли не подняли,
солнце с юга
на камни светило,
росли на земле
зеленые травы.

5 Солнце, друг месяца,
правую руку
до края небес
простирало с юга;
солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,

где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей.
6 Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали священные,
ночь назвали
и отпрыскам ночи —
вечеру, утру
и дня середине —
прозвище дали,
чтоб время исчислить

7 Встретились асы
на Идавёлль-поле,
капища стали
высокие строить,
сил не жалели,
ковали сокровища,
создали клещи,
орудья готовили.

8 На лугу, веселясь,
в тавлеи играли,
все у них было
только из золота, —
пока не явились
три великанши,
могучие девы
из Ётунхейма.

9 Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали священные:
кто должен племя
карликов сделать
из Бримира крови
и кости Блаина.

10 Мотсогнир старшим
из племени карликов
назван тогда был,
а Дурин – вторым;
карлики много
из глины слепили
подобий людских,
как Дурин велел.

11 Нии и Ниди,
Нордри и Судри,
Аустри и Вестри,
Альтиов, Двалин,

Бивёр и Бавёр,
Бёмбур, Нори,
Ан и Анар,
Аи, Мьёдвитнир,
12 Гандалвь и Вейг,
Виндалвь, Траин,
Текк и Торин,
Трор, Вит и Лит,
Нар и Ньюрад —
вот я карликов —
Регин и Радсвинн —
всех назвала.

13 Фи́ли и Ки́ли,
Фундин, Нали,
Хефти, Вили,
Ханар, Свиор,
Фрар и Хорнбори,
Фрег и Лони,
Аурванг, Яри,
Эйкинскьяльди.

14 Ещё надо карликов
Двалина войска
роду людскому
назвать до Ловара;
они появились
из камня земли,
пришли через топь
на поле песчаное.

15 Это был Драуппир
и Дольгтрасир с ним,
Хар и Хаугспори,
Хлеванг и Глои.
Дори и Ори,
Дув и Андвари.
Скирвир, Вирвир.

Скафинн и Аи,
16 Альв и Ингви.
Эйкинскьяльди,
Фьялар и Фрости,
Финн и Гиннар;
перечень этот
предков Ловара
вечно пребудет,
пока люди живы.

.....

17 И трое пришло
из этого рода
асов благих
и могучих к морю,

бессильных увидели
на берегу
Аска и Эмблу,
судьбы не имевших.
18 Они не дышали,
в них не было духа,
румянца на лицах,
тепла и голоса;
дал Один дыханье,
а Хёнир – дух,
а Лодур – тепло
и лицам румянца.
19 Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,
древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.
20 Мудрые девы
оттуда возникли,
три из ключа
под древом высоким;
Урд имя первой,
вторая Верданди, —
резали руны, —
Скульд имя третьей;
судьбы судили,
жизнь выбирали
детям людей,
жребий готовят.
21 Помнит войну она
первую в мире:
Гульвейг погибла,
пронзенная копьями,
жгло ее пламя
в чертоге Одина,
трижды сожгли ее,
трижды рожденную,
и все же она
доселе живет.
22 Хейд ее называли,
в домах встречая, —
вещей колдуньей, —
творила волшбу
жезлом колдовским;
умы покорялись
ее чародейству

злым женам на радость.

23 Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали священные:
стерпят ли асы
обиду без выкупа
иль боги в отмщенье
выкуп возьмут.

24 В войско метнул
Один копье,
это тоже свершилось
в дни первой войны;
рухнули стены
крепости асов,
ваны в битве
врагов побеждали.

25 Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
священные стали:
кто небосвод
сгубить покусился
и Ода жену
отдать великанам?

26 Разгневанный Тор
один начал битву —
не усидит он,
узнав о подобном! —
крепкие были
попраны клятвы,
тот договор,
что досель соблюдался.

27 Знает она,
что Хеймдалля слух
спрятан под древом,
до неба встающим;
видит, что мутный
течет водопад
с залога Владыки, —
довольно ли вам этого?

28 Она колдовала
тайно однажды,
когда князь асов
в глаза посмотрел ей:
«Что меня вопрошать?
Зачем испытывать?
Знаю я, Один,
где глаз твой спрятан:

скрыт он в источнике
славном Мимира!»
Каждое утро
Мимир пьет мед
с залога Владыки —
довольно ли вам этого?
29 Один ей дал
ожерелья и кольца,
взамен получил
с волшбой прорицанья, —
сквозь все миры
взор ее проникал.
30 Валькирий видала
из дальних земель,
готовых спешить
к племени готов;
Скульд со щитом,
Скёгуль другая,
Гунн, Хильд и Гёндуль
и Гейрскёгуль.
Вот перечислены
девы Одина,
любо скакать им
повсюду, валькириям.
31 Видала, как Бальдр,
бог окровавленный,
Одина сын,
смерть свою принял;
стройный над полем
стоял, возвышаясь,
тонкий, прекрасный
омелы побег.
32 Стал тот побег,
тонкий и стройный,
оружьем губительным,
Хёд его бросил.
У Бальдра вскоре
брат родился, —
ночь проживя,
он начал сражаться.
33 Ладоней не мыл он,
волос не чесал,
пока не убил
Бальдра убийцу;
оплакала Фригг,
в Фенсалир сидя,
Вальгаллы скорбь —
довольно ли вам этого?
34 Сплел тогда Вали

страшные узы,
крепкие узы
связал из кишок.
35 Пленника видела
под Хвералундом,
обликом схожего
с Локи зловещим;
там Сигюн сидит,
о муже своем
горько печалась, —
довольно ли вам этого?
36 Льется с востока
поток холодный,
мечи он несет, —
Слид ему имя.
37 Стоял на севере
в Нидавеллир
чертог золотой, —
то карликов дом;
другой же стоял
на Окольнир дом,
чертог великанов,
зовется он Бримир.
38 Видела дом,
далекий от солнца,
на Береге Мертвых,
дверью на север;
падали капли
яда сквозь дымник,
из змей живых
сплетен этот дом.
39 Там она видела —
шли чрез потоки
поправшие клятвы,
убийцы подлые
и те, кто жен
чужих соблазняет;
Нидхёгг глодал там
трупы умерших,
терзал он мужей —
довольно ли вам этого?
4 °Сидела старуха
в Железном Лесу
и породила там
Фенрира род;
из этого рода
станет один
мерзостный тролль
похитителем солнца.

41 Будет он грызть
трупы людей,
кровью зальет
жилище богов;
солнце померкнет
в летнюю пору,
бури взъярятся —
довольно ли вам этого?

42 Сидел на холме,
на арфе играл
пастух великанши,
Эггдер веселый;
над ним распевал
на деревьях лесных
кочет багряный
по имени Фьялар.

43 Запел над асами
Гуллинкамби,
он будит героев
Отца Дружин;
другой под землей
первому вторит
петух черно-красный
у Хель чертога.

44 Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.

45 Братья начнут
биться друг с другом,
родичи близкие
в распрах погибнут;
тягостно в мире,
великий блуд,
век мечей и секир,
треснут щиты,
век бурь и волков
до гибели мира;
щадить человек
человека не станет.

46 Игру завели
Мимира дети,
конец возвещен
рогом Гьяллархорн;
Хеймдалль трубит,

поднял он рог,
с черепом Мимира
Один беседует.
47 Трепещет Иггдрасиль,
ясень высокий,
гудит древний ствол,
турс вырывается.
49 Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.
50 Хрюм едет с востока,
щитом заслонясь;
Ёрмунганд гневно
поворотился;
змей бьет о волны,
клекочет орел,
павших терзает;
Нагльфар плывет.
51 С востока в ладье
Муспелля люди
плывут по волнам,
а Локи правит;
едут с Волком
сыны великанов,
в ладье с ними брат
Бюлейста едет.
48 Что же с асами?
Что же с альвами?
Гудит Ётунхейм,
асы на тинге;
карлики стонут
пред каменным входом
в скалах родных —
довольно ли вам этого?
52 Сурт едет с юга
с губящим ветви,
солнце блестит
на мечях богов;
рушатся горы,
мрут великанши;
в Хель идут люди,
расколото небо.
53 Настало для Хлин
новое горе,

Один вступил
с Волком в сражение,
а Бели убийца
с Суртом схватился, —
радости Фригг
близится гибель.

54 Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.

55 Сын тут приходит
Отца Побед,
Видар, для боя
со зверем трупным;
меч он вонзает,
мстя за отца, —
в сердце разит он
Хведрунга сына.

56 Тут славный приходит
Хлодун потомок,
со змеем идет
биться сын Одина,
в гневе разит
Мидгарда страж,
все люди должны
с жизнью расстаться, —
на девять шагов
отступает сын Фьёргюн,
змеем сраженный, —
достоин он славы.

57 Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит.

58 Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих

славных богов.

59 Видит она:

вздывается снова
из моря земля,
зеленея, как прежде;
падают воды,
орел пролетает,
рыбу из волн
хочет он выловить.

60 Встречаются асы

на Идавёлль-поле,
о поясе мира
могучем беседуют
и вспоминают
о славных событиях
и рунах древних
великого бога.

61 Снова найтись

должны на лугу
в высокой траве
тавлеи золотые,
что им для игры
служили когда-то.

62 Заколятся

хлеба без посева,
зло станет благом,
Бальдр вернется,
жить будет с Хёдом
у Хрофта в чертогах,
в жилище богов —
довольно ли вам этого?

63 Хёнир берет

прут жеребьевый,
братьев обоих
живут сыновья
в доме ветров —
довольно ли вам этого?

64 Чертог она видит

солнца чудесней,
на Гимле стоит он,
сияя золотом:
там будут жить
дружины верные,
вечное счастье
там суждено им.

65 Нисходит тогда

мира владыка,
правлящий всем
властелин могучий.

66 Вот прилетает
черный дракон,
сверкающий змей
с Темных Вершин;
Нидхёгг несет,
над полем летя,
под крыльями трупы —
пора ей исчезнуть.

Речи Высокого

1 Прежде чем в дом
войдешь, все входы
ты осмотри,
ты огляди, —
ибо как знать,
в этом жилище
недругов нет ли.
2 Дающим привет!
Гость появился!
Где место найдет он?
Торопится тот,
кто хотел бы скорей
у огня отогреться.
3 До`рог огонь
тому, кто с дороги,
чьи застыли колени;
в еде и одежде
нуждается странник
в горных краях.
4 Гостю вода
нужна и ручник,
приглашенье учтивое,
надо приветливо
речь повести
и выслушать гостя.
5 Ум надобен тем,
кто далёко забрел, —
дома все тебе ведомо;
насмешливо будут
глядеть на невежду,
среди мудрых сидящего.
6 Умом пред людьми
похваляться не надо —
скрывать его стоит;
если мудрец
будет молчать —

не грозит ему горе,
ибо нет на земле
надежнее друга,
чем мудрость житейская.
7 Гость осторожный,
дом посетивший,
безмолвно внимает —
чутко слушать
и зорко смотреть
мудрый стремится.
8 Счастливы те,
кто заслужил
похвалу и приязнь;
труднее найти
добрый совет
в груди у других.
9 Счастливы те,
кто в жизни славны
разумом добрым;
неладный совет
часто найдешь
у другого в груди.
10 Нету в пути
драгоценней ноши,
чем мудрость житейская,
дороже сокровищ
она на чужбине —
то бедных богатство.
11 Нету в пути
драгоценней ноши,
чем мудрость житейская,
хуже нельзя
в путь запастись,
чем пивом опиться.
12 Меньше от пива
пользы бывает,
чем думают многие;
чем больше ты пьешь,
тем меньше покорен
твой разум тебе.
13 Цапля забвенья
вьется над миром,
рассудок крадет;
крылья той птицы
меня приковали
в доме у Гуннлёд.
14 Пьяным я был,
слишком напился
у мудрого Фьялара;

но лучшее в пиве —
что хмель от него
исчезает бесследно.

15 Осторожным быть должен
конунга отпрыск
и смелым в сражение;
каждый да будет
весел и добр
до часа кончины.

16 Глупый надеется
смерти не встретить,
коль битв избегает;
но старость настанет —
никто от нее
не сыщет защиты.

17 Глазеет глупец,
приехавший в гости,
болтая иль молча;
а выпьет глоток —
и сразу покажет,
как мало в нем мудрости.

18 Знает лишь тот,
кто много земель
объездил и видел, —
коль сам он умен, —
что на уме
у каждого мужа.

19 Пей на пиру,
но меру блюди
и дельно беседуй;
не прослывешь
меж людей неучтивым,
коль спать рано ляжешь.

20 Без толку жадный
старается жрать
себе на погибель;
смеются порой
над утробой глупца
на пиршестве мудрых.

21 Знают стада,
что срок наступил
покинуть им пастбища;
а кто неумен,
меры не знает,
живот набивая.

22 Кто нравом тяжел,
тот всех осуждает,
смеется над всем;
ему невдомек,

а должен бы знать,
что сам он с изъяном.

23 Глупый не спит
всю ночь напролет
в думах докучных;
утро настанет —
где же усталому
мудро размыслить.

24 Муж неразумный
увидит приятнь
в улыбке другого;
с мудрыми сидя,
глупец не поймет
над собою насмешки.

25 Муж неразумный
увидит приятнь
в улыбке другого;
а после на тинге
едва ли отыщет
сторонников верных.

26 Муж неразумный
все знает на свете,
в углу своем сидя;
но не найдет он
достойных ответов
в дельной беседе.

27 Муж неразумный
на сборище людном
молчал бы уж лучше;
не распознать
в человеке невежду,
коль он не болтлив,
но невежда всегда
не видит того,
что болтлив он безмерно.

28 Мудрым слывет,
кто расспросит других
и расскажет разумно;
скрыть не умеют
люди в беседах,
что с ними случилось.

29 Кто молчать не умеет,
тот лишние речи
заводит нередко;
быстрый язык
накличет беду,
коль его не сдержать.

30 Насмешливых взглядов
не надо бросать

на гостей приглашенных;
не спросишь иного —
он мнит, что разумен,
и мирно пирует.

31 Доволен глумливый,
коль, гостя обидев,
удрать ухитрился;
насмешник такой
не знает, что нажил
гневных врагов.

32 Люди друзьями
слывут, но порой
на пиру подерутся;
распри всегда
готовы возникнуть:
гость ссорится с гостем.

33 Рано поешь,
а в гости сбираясь,
есть надо плотно:
или голодным
будешь в гостях —
не сможешь беседовать.

34 Путь неблизок
к другу плохому,
хоть двор его рядом;
а к доброму другу
дорога пряма,
хоть далек его двор.

35 Гость не должен
назойливым быть
и сидеть бесконечно;
даже приятель
станет противен,
коль долго гостит он.

36 Пусть невелик
твой дом, но твой он,
и в нем ты владыка;
пусть крыша из прутьев
и две лишь козы, —
это лучше подачек.

37 Пусть невелик
твой дом, но твой он,
и в нем ты владыка;
кровью исходит
сердце у тех,
кто просит подачек.

38 Муж не должен
хотя бы на миг
отходить от оружия;

ибо как знать,
когда на пути
копье пригодится.

39 Не знаю радушных
и щедрых, что стали б
дары отвергать;
ни таких, что, в ответ
на подарок врученный,
подарка б не приняли.

40 Добра не жалеи,
что нажито было,
не скорби о потере;
что другу обещано,
недруг возьмет —
выйдет хуже, чем
думалось.

41 Оружье друзьям
и одежду дари —
то тешит их взоры;
друзей одаряя,
ты дружбу крепишь,
коль судьба благосклонна.

42 Надобно в дружбе
верным быть другу,
одарять за подарки;
смехом на смех
пристойно ответить
и обманом — на ложь.

43 Надобно в дружбе
верным быть другу
и другом друзей его;
с недругом друга
никто не обязан
дружбу поддерживать.

44 Если дружбу ведешь
и в друге уверен
и добра ждешь от друга —
открывай ему душу,
дары приноси,
навещай его часто.

45 Но если другому
поверил оплошно,
добра ожидая,
сладкою речью
скрой злые мысли
и лги, если лжет он.

46 Так же и с теми,
в ком усомнишься,
в ком видишь коварство, —

улыбайся в ответ,
скрывай свои мысли —
тем же оплачивай.

47 Молод я был,
странствовал много
и сбился с пути;
счел себя богачом,
спутника встретив, —
друг – радость друга.

48 Щедрые, смелые
счастливы в жизни,
заботы не знают;
а трус, тот всегда
спасаться готов,
как скупец – от подарка.

49 В поле я отдал
одежду мою
двум мужам деревянным;
от этого стали
с людьми они сходны:
жалок нагой.

5 °Сосна, у дома
возросшая, сохнет,
корой не укрыта;
и человек,
что людям не люб, —
зачем ему жить!

51 Жарко приязнь
пылает пять дней
меж дурными друзьями;
а пятый прошел —
погаснет огонь,
и дружба вся врозь.

52 Подарок большой
не всюду пригоден,
он может быть малым;
неполный кувшин,
половина краюхи
мне добыли друга.

53 У малых песчинок,
у малых волн
мудрости мало;
не все мудрецы, —
глупых и умных
поровну в мире.

54 Следует мужу
в меру быть умным,
не мудрствуя много;
лучше живется

тем людям, чьи знания
не слишком обширны.

55 Следует мужу
в меру быть умным,
не мудрствуя много;
ибо редка

радость в сердцах,
если разум велик.

56 Следует мужу
в меру быть умным,
не мудрствуя много;
тот, кто удел свой
не знает вперед,
всего беззаботней.

57 Головня головне
передать готова
пламя от пламени;
в речах человек
познает человека,
в безмолвье глупеет.

58 Рано встает,
кто хочет отнять
добро или жизнь;
не видеть добычи
лежащему волку,
а победы – проспавшему.

59 Рано встает,
кто без подмоги
к труду приступает;
утром дремота
работе помеха —
кто бодр, тот богат.

60 Мера бересты
и балок для кровли
известна хозяину,
и сколько потребно
в полгода поленьев
сжигать в очаге.

61 Сытым и чистым
на тинг собирайся,
хоть и в бедной одежде;
сапог и штанов
стыдиться не надо,
а также коня,
коль он неказист.

62 Вытянув шею,
орел озирает
древнее море;
так смотрит муж,

в чуждой толпе
защиты не знающий.
63 Вопросит и ответит
умный всегда,
коль слыть хочет
сведущим;
должен один
знать, а не двое, —
у трех все проведуют.
64 Силу свою
должен мудрец
осторожно показывать;
в том убедится
бившийся часто,
что есть и сильнее.
65 Бывает, ты слово
скажешь другому,
а после заплатишься.
66 Случалось, я рано
в гости являлся
иль поздно порою:
там выпили пиво,
а там не варили —
кто не мил, тот некстати.
67 Повсюду меня
приглашали бы в гости,
но только без трапез
иль если бы, окорок
съевши у друга,
я два отдавал бы.
68 Драгоценен огонь
для сынов человека
и солнца сиянье;
если телом ты здоров,
то здоровье, а также
жизнь без порока.
69 Хворый судьбой
не совсем обездолен:
этот счастлив сынами,
этот близкой родней,
этот богатством,
а этот деяньями.
70 Лучше живым быть,
нежели мертвым;
живой — наживает;
для богатого пламя,
я видел, пылало,
но ждала его смерть.
71 Ездить может хромою,

безрукий – пасти,
сражаться – глухой;
даже слепец
до сожженья полезен —
что толку от трупа!

72 Сын – это счастье,
хотя бы на свете
отца не застал он;
не будет и камня
у края дороги,
коль сын не поставит.

73 Двое – смерть одному;
голове враг – язык;
под каждым плащом
рука наготове.

74 Ночь тому не страшна,
кто сделал запасы;
коротки реи;
ненастна ночь осенью;
сменится ветер
не раз за пять дней,
несчетно – за месяц.

75 Иной не постигнет,
что вреден подчас
достаток рассудку;
один – богатей,
другой же – бедняк
и в том невиновен.

76 Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.

77 Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.

78 У Фитьюнга были
сыны богачами
и бедность извели;
может внезапно
исчезнуть достаток —
друг он неверный.

79 Если глупцу
достается в удел
любовь иль богатство,

не добудет ума он,
но чванство умножит
и спесью прославится.

80 Вот что отвечу,
когда вопрошаешь
о рунах божественных,
что создали сильные,
а вырезал Вещий:
благо в молчанье.

81 День хвали вечером,
жен – на костре,
меч – после битвы,
дев – после свадьбы,
лед – если выдержит,
пиво – коль выпито.

82 Лес руби на ветру,
жди погоды для гребли,
с девой беседуй
во тьме – зорек день;
у ладьи – быстрота,
у щита – оборона,
удар – у меча,
поцелуй – у девы.

83 Пиво пей у огня,
по льду скользи,
коня купи тощего,
меч – заржавелый,
корми коня дома,
а пса – у чужих.

84 Не доверяй
ни девы речам,
ни жены разговорам —
на колесе

их слеplено сердце,
коварство в груди их.

85 Непрочному луку,
жаркому пламени,
голодному волку,
горластой вороне,
визжащей свинье,
стволу без корней,
встающему валу,
котлу, что кипит,

86 летящей стреле,
отходящему валу,
тонкому льду,
змее, что свилась,
жены объяснениям,
с изъясном мечу,

медведя проделкам,
и конунга сыну,
87 скотине больной,
рабу своевольному,
лести колдуньи,
врагу, что сражен,
88 всходам ранним
не должно нам верить,
ни сыну до срока:
погоде для сева
и сына уму
доверять не дерзай.
89 Брата убийце,
коль встречен он будет,
горящему дому,
коню слишком резвому, —
конь захромает —
куда он годится, —
всему, что назвал я,
верить не надо!
90 Женщин любить,
в обманах искусных, —
что по льду скакать
на коне без подков,
норовистом, двухлетнем
коне непокорном,
иль в бурю корабль
без кормила вести,
иль хромцу за оленем
в распутицу гнаться.
91 Откровенно скажу
о мужах и о женах:
мужи тоже лживы;
красно говоря,
но задумав коварство, —
улестим даже умных.
92 Красно говори
и подарки готовь,
чтобы жен соблазнять:
дев красоту
неустанно хваля,
будь уверен в успехе.
93 Никто за любовь
никогда осуждать
другого не должен;
часто мудрец
опутан любовью,
глупцу непонятной.
94 Мужей не суди

- за то, что может
с каждым свершиться;
нередко бывает
мудрец безрассудным
от сильной страсти.
95 Твоей лишь душе
ведомо то,
что в сердце твоём;
худшей на свете
хвори не знаю,
чем духа томленье.
96 Изведал я это:
милую ждал я,
таясь в тростниках;
дороже была мне,
чем тело с душой,
но моею не стала.
97 Солнечноясную
Биллинга дочь
нашел я на ложе;
мне ярла власть
не была так желанна,
как светлая дева.
98 «Вечером, Один,
приди, чтоб деву
к согласью склонить:
будет неладно,
если другие
про это проведуют».
99 Ее я оставил —
казалось, от страсти
мой разум мутился;
таил я надежду,
что будет моей
дева любимая.
100 Вновь я пришел,
увидел, что воины
стали стеной, —
факелы блещут,
завалы из бревен
мне путь преградили.
101 А перед утром, —
все почивали, —
явился я вновь;
лишь сука была
привязана к ложу
девы достойной.
102 Девы нередко,
коль их разгадаешь,

- коварство таят;
изведал я это,
деву пытаюсь
к ласкам склонить;
был тяжко унижен
жестоккой и все ж
не достиг я успеха.
- 103 Будь дома весел,
будь с гостем приветлив,
но разум храни;
прослыть хочешь мудрым —
в речах будь искусен, —
тебя не забудут;
глупцом из глупцов
прослывет безмолвный —
то свойственно глупым.
- 104 От старого турса
вернулся назад я;
промолчал бы – что
пользы!
Но речи я вел
и удачи добился
в палатах у Суттунга.
- 105 Гуннлёд меня
угостила медом
на троне из золота;
плату недобрую
деве я отдал
за ласку, любовь,
за всю ее скорбь.
- 106 Рати клыкам
в камень велел я
крепко вгрызаться;
ётунов стены
меня обступили,
мне гибель грозила.
- 107 Хитростью вдоволь
я наслаждался,
все умный сумеет:
так ныне Одрёрир
в доме священном
людей покровителя.
- 108 Не удалось бы
выбраться мне
из жилья исполинов,
когда бы не помощь
Гуннлёд прекрасной,
меня обнимавшей.
- 109 Назавтра собрались

и двинулись хримтурсы
к палатам Высокого
спросить у Высокого:
Бёльверк – спросили —
вернулся к богам
иль сразил его Суттунг?

110 Клятву Один
дал на кольце;
не коварна ли клятва?
Напиток достал он
обманом у Суттунга
Гуннлёд на горе.

111 Пора мне с престола
тула поведать
у источника Урд;
смотрел я в молчанье,
смотрел я в раздумье,
слушал слова я;
говорили о рунах,
давали советы
у дома Высокого,
в доме Высокого
так толковали:

112 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
ночью вставать
по нужде только надо
иль следя за врагом.

113 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
с чародейкой не спи,
пусть она не сжимает
в объятьях тебя.

114 Заставит она
тебя позабыть
о тинге и сходках;
есть не захочешь,
забудешь друзей,
сон горестным станет.

115 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
чужую жену
не должен ты брать

в подруги себе.

116 Советы мои

Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
в горах ли ты едешь
или по фьордам —
еды бери вдоволь.

117 Советы мои,

Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
с дурным человеком
несчастьем своим
делиться не должно;
ведь люди дурные
тебе не отплатят
добром за доверье.

118 Я видел однажды,

как муж был погублен
злой женщины словом;
коварный язык
уязвил клеветой,
обвиняя облыжно.

119 Советы мои,

Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
есть друг у тебя,
кому доверяешь, —
навещай его часто;
высокой травой
и кустами покрыты
неторные тропы.

120 Советы мои,

Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
с мужем достойным
мирно беседуй,
добивайся доверья.

121 Советы мои,

Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
дружбу блюди
и первым ее
порвать не старайся;
скорбь твое сердце

- сожжет, коль не сможешь
другу довериться.
- 122 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
глупцу не перечь,
с мужем неумным
в спор не вступай,
- 123 ибо дурной
тебе не оплатит
благом за благо,
а добрый ответит
на дружбу всегда
похвалой и приязнью.
- 124 Хорошему другу
что только хочешь
правдиво поведай;
всегда откровенность
лучше обмана;
не только приятное
другу рассказывай.
- 125 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
с тем, кто хуже тебя,
спорить не надо;
нападет негодяй,
а достойный уступит.
- 126 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
обтесывай древки
и обувь готовь
лишь себе самому;
если обувь плоха
или погнуто древко —
проклятья получишь.
- 127 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
злые поступки
злыми зови,
мсти за злое немедля.
- 128 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,

на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
дурным никогда
доволен не будь,
дорожи только добрым.

129 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
вверх не смотри,
вступая в сраженье, —
не сглазил бы враг, —
воины часто
разум теряют.

13 °Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
если встречи с красавицей
ищешь и ею
насладиться намерен —
обещанья давай
и крепко держи их!
Добро не прискучит.

131 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
будь осторожен,
но страха чуждайся,
пиву не верь
и хитрому вору,
не доверяй
и жене другого.

132 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
потешаться не вздумай
над путником дальним,
глумиться над гостем.

133 Не ведают часто
сидящие дома,
кто путник пришедший;
изъян и у доброго
сыщешь, а злой
не во всем нехорош.

134 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,

на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
над седым стариком
никогда не смейся;
цени слово старца;
цедится мудрость
из старого меха,
что висит возле шкур,
качаясь средь кож,
с сычугами в соседстве.

135 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
над гостями не смейся,
в дверь не гони их,
к несчастным будь щедр.

136 Ворота сломаешь,
коль всех без разбора
впускать будешь в дом;
кольцо подари,
не то пожеланья
плохие получишь.

137 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
если ты захмелел —
землей исцелишься,
ведь землей лечат хмель,
а пламенем — хвори,
понос лечат дубом,
колосьями — порчу,
безумье — луной,
бузиною — желтуху,
червями — укусы
и рунами — чирьи,
земля ж выпьет влагу.

138 Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

139 Никто не питал,
никто не поил меня,

- взирал я на землю,
поднял я руны,
стеная, их поднял —
и с древа рухнул.
- 140 Девять песен узнал я
от сына Бёльторна,
Бестли отца,
меду отведал
великолепного,
что в Одрёрир налит.
- 141 Стал созреть я
и знания множить,
расти, процветая;
слово от слова
слово рождало,
дело от дела
дело рождало.
- 142 Руны найдешь
и постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки,
Хрофт их окрасил,
а создали боги
и Один их вырезал,
- 143 Один у асов,
а Даин у альвов,
Двалин у карликов,
у ётунов Асвид,
и сам я их резал.
- 144 Умеешь ли резать?
Умеешь разгадывать?
Умеешь окрасить?
Умеешь ли спрашивать?
Умеешь молиться
и жертвы готовить?
Умеешь раздать?
Умеешь заковать?
- 145 Хоть совсем не молись,
но не жертвуй без меры,
на дар ждут ответа;
совсем не коли,
чем без меры закалывать.
Так вырезал Тунд
до рожденья людей;
вознесся он там,
когда возвратился.
- 146 Заклинанья я знаю —
не знает никто их,
даже конунгов жены;

- помощь – такое
первому имя —
помогает в печалях,
в заботах и горестях.
- 147 Знаю второе, —
оно врачеванью
пользу приносит.
- 148 Знаю и третье, —
оно защитит
в битве с врагами,
клинки их туплю,
их мечи и дубины
в бою бесполезны.
- 149 Четвертое знаю, —
коль свяжут мне члены
оковами крепкими,
так я спою,
что мигом спадут
узы с запястий
и с ног кандалы.
- 150 И пятое знаю, —
коль пустит стрелу
враг мой в сраженье,
взгляну – и стрела
не долетит,
взору покорная.
- 151 Знаю шестое, —
коль недруг корнями
вздумал вредить мне, —
немедля врага,
разбудившего гнев мой,
несчастье постигнет.
- 152 Знаю седьмое, —
коль дом загорится
с людьми на скамьях,
тотчас я пламя
могу погасить,
запев заклинанье.
- 153 Знаю восьмое, —
это бы всем
помнить полезно:
где ссора начнется
среди воинов смелых,
могу помирить их.
- 154 Знаю девятое, —
если ладья
борется с бурей,
вихрям улечься
и волнам утихнуть

- пошлю повеленье.
155 Знаю десятое, —
если замечу,
что ведьмы взлетели,
сделаю так,
что не вернуть им
душ своих старых,
обличий оставленных.
156 Одиннадцатым
друзей оберечь
в битве берусь я,
в щит я пою, —
побеждают они,
в боях невредимы,
из битв невредимы
прибудут с победой.
157 Двенадцатым я,
увидев на дереве
в петле повисшего,
так руны вырежу,
так их окрашу,
что он оживет
и беседовать будет.
158 Тринадцатым я
водою младенца
могу освятить, —
не коснутся мечи его,
и невредимым
в битвах он будет.
159 Четырнадцатым
число я открою
асов и альвов,
прозвание богов
поведаю людям, —
то может лишь мудрый.
160 Пятнадцатое
Тьодрёрир пел
пред дверью Деллинга;
напел силу асам,
и почести — альвам,
и Одину — дух.
161 Шестнадцатым я
дух шевельну
девы достойной,
коль дева мила,
овладею душой,
покорю ее помыслы.
162 Семнадцатым я
опутать смогу

душу девичью;
те заклатья, Лоддфафнир,
будут тебе
навек неизвестны;
хотя хороши они,
впрок бы принять их,
на пользу усвоить.

163 Восемнадцатое
ни девам, ни женам
сказать не смогу я, —
один сбережет
сокровеннее тайну, —
тут песня пресеклась —
откроюсь, быть может,
только жене
иль сестре расскажу.

164 Вот речи Высокого
в доме Высокого,
нужные людям,
ненужные ётунам.
Благо сказавшему!
Благо узнавшим!
Кто вспомнит —
воспользуйся!
Благо внимавшим!

Речи Вафтруднира

[Один сказал:]

1 «Дай, Фригг, мне совет,
в путь я собрался
к Вафтрудниру в гости!
В древних познаниях
помериться силой
хочу я с мудрейшим».

[Фригг сказала:]

2 «Лучше останься,
Ратей Отец,
в чертогах богов —
Вафтруднир слывет
сильнейшим из ётунов,
кто с ним сравнится!»

[Один сказал:]

3 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
видеть хотел бы,
как Вафтруднир в доме
живет у себя».

[Фригг сказала:]

4 «Странствуй здоровым,
здоровым вернись,
доброй дороги!
Пусть мудрость тебе
там помощью будет
с ётуном в споре!»
5 Отправился в путь
Один, чтоб мудрость
турса изведать;
Игг прибыл к владеньям
Има отца
и в палату вошел.

[Один сказал:]

6 «Привет тебе, Вафтруднир!
Вот я пришел
поглядеть на тебя;
хочу я постичь
познания твои,
все ли, мудрый, ты
ведаешь».

[Вафтруднир сказал:]

7 «Что за пришелец
в дом мой проник
и слова в меня мечет?
Ты дом не покинешь,
коль не победишь,
состязаясь со мною».

[Один сказал:]

8 «Гагнрад мне имя,
мучим я жаждой,
в пути утомился,
жду приглашенья —
долог был путь мой, —
прими меня, ётун».

[Вафтруднир сказал:]

9 «Будь у нас, Гагнрад,
гостем в палате,
садись на скамью!
Посмотрим сейчас,
кто в знаниях сильнее,
старый туре или ты».

[Один сказал:]

10 «Должен молчать
или дельно беседовать
бедный с богатым;
в речах своих буду
меру блюсти,
с хладноребрым сойдись».

[Вафтруднир сказал:]

11 «Гагнрад, скажи,
коль стоя ты хочешь
спорить со мною:
что за конь поутру
день нам приносит,
как имя коню?»

[Один сказал:]

12 «Скинфакси конь
сияющий день
поутру нам приносит;
слывет у героев
он лучшим конем
с гривой сверкающей».

[Вафтруднир сказал:]

13 «Гагнрад, скажи,
коль стоя ты хочешь
спорить со мною:
кто конь, несущий
сумрак ночной
над богами благими?»

[Один сказал:]

14 «Хримфакси конь

сумрак несет
над богами благими;
пену с удил
роняет на доли
росой на рассвете».

[Вафтруднир сказал:]

15 «Гагнрад, скажи,
коль стоя ты хочешь
спорить со мною:
как имя реки,
где проходит рубеж
меж богами и турсами?»

[Один сказал:]

16 «Ивинг – река,
где проходит рубеж
меж богами и турсами;
воды ее
не застынут вовек,
льдом не оденутся».

[Вафтруднир сказал:]

17 «Гагнрад, скажи,
коль стоя ты хочешь
спорить со мною:
как имя равнины,
где встретится Сурт
в битве с богами?»

Один [сказал:]

18 «Вигрид – равнина,
где встретится Сурт
в битве с богами,
по сто переходов
в каждую сторону
поле для боя».

Вафтруднир [сказал:]

19 «Гость мой, ты сведущ,
садись на скамью,
побеседуем сидя!
Голову мы,
гость мой, назначим

ставкою в споре!»

Один [сказал:]

20 «Дай первый ответ,
если светел твой ум
и все знаешь, Вафтруднир:
как создали землю,
как небо возникло,
ётун, открой мне?»

Вафтруднир [сказал:]

21 «Имира плоть
стала землей,
стали кости горами,
небом стал череп
холодного турса,
а кровь его морем».

Один [сказал:]

22 «Второй дай ответ,
если светел твой ум
и все знаешь, Вафтруднир:
луна как возникла
во тьме для людей,
как создано солнце?»

Вафтруднир [сказал:]

23 «Мундильфёри
зывается отец
солнца с луною:
небо обходят
они каждый день,
то времени мера».

Один [сказал:]

24 «Дай третий ответ,
коль мудрым слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
откуда начало
дня над людьми
и ночи с луною?»

Вафтруднир [сказал:]

25 «Деллингом звать
день породившего,
Нёр – ночи отец;
измыслили боги
луны измененья,
чтоб меру дать времени».

Один [сказал:]

26 «Дай четвертый ответ,
коль умным слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
кто создал зиму
и теплое лето
у богов всеблагих?»

Вафтруднир [сказал:]

27 «Виндсваль дал зиму,
а Свасуд – лето,
они им отцы».

Один сказал:

28 «Дай пятый ответ,
коль умным слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
кто в начале времен
был старшим из асов
и родичей Имира?»

Вафтруднир [сказал:]

29 «За множество зим
до создания земли
был Бергельмир турс,
Трудгельмир – имя
турса отца,
и Аургельмир – деда».

Один сказал:

30 «Шестой дай ответ,
коль мудрым слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
откуда меж турсов
Аургельмир явился,
первый их предок?»

Вафтруднир [сказал:]

31 «Брызги холодные
Эливагара
ётуном стали;
отсюда свой род
исполины ведут,
оттого мы жестоки».

Один сказал:

32 «Седьмой дай ответ,
коль мудрым слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
как же мог ётун,
не знавший жены,
отцом быть потомства?»

Вафтруднир сказал:

33 «У ётуна сильного
дочка и сын
возникли под мышкой,
нога же с ногой
шестиглавого сына
турсу родили».

Один сказал:

34 «Восьмой дай ответ,
коль мудрым слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
что первое ведаешь,
помнишь древнейшее,
турс многомудрый?»

Вафтруднир сказал:

35 «За множество зим
до создання земли
был Бергельмир турс;
в гроб его
при мне положили —
вот что первое помню».

Один сказал:

36 «Дай девятый ответ,
коль мудрым слывешь

и все знаешь, Вафтруднир:
ветер откуда
слетает на волны?
Для людей он невидим».

Вафтруднир сказал:

37 «Хресвельг сидит
у края небес
в обличье орла;
он ветер крылами
своими вздымает
над всеми народами».

[Один сказал:]

38 «Дай десятый ответ,
коль судьбы богов
ты ведаешь, Вафтруднир:
как меж асами
Ньёрд появился?
Посвящают ему
капища, храмы,
но сам он не ас».

[Вафтруднир сказал:]

39 «У ванов в жилище
рожден и в залог
отдан был асам;
когда же настанет
мира конец,
он к вanam вернется».

[Один сказал:]

40 «Скажи мне еще,
где каждый день
битвы кипят?»

[Вафтруднир сказал:]

41 «Эйнхерии все
рубятся вечно
в чертоге у Одина;
в схватки вступают,
а кончив сражение,
мирно пируют».

[Один сказал:]

42 «Скажи мне теперь,
откуда ты ведаешь
судьбы богов;
о тайнах великих
богов и турсов
ты правду поведал,
турс многомудрый».

[Вафтруднир] сказал:

43 «О тайнах великих
богов и турсов
поведал я правду:
все девять миров
до дна прошел
и Нифльхель увидел,
куда смерть уводит».

[Один] сказал:

44 «Много я странствовал,
много беседовал
с благими богами;
кто будет жить
после конца
зимы великанов?»

[Вафтруднир] сказал:

45 «Спрячется Лив
и Ливтрасир с нею
в роще Ходдмимир;
будут питаться
росой по утрам
и людей породят».

[Один] сказал:

46 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
как солнце на глади
небесной возникнет,
коль Волк его сгубит?»

[Вафтруднир] сказал:

47 «Прежде чем Волк
Альврёдуль сгубит,
дочь породит она;
боги умрут,
и дорогою матери
дева последует».

[Один] сказал:

48 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
какие три девы
высоко над морем
прячут в поднебесье?»

Вафтруднир сказал:

49 «Три мощных потока
текут над жильем
дочерей Мёгтрасира;
для людей эти девы —
духи благие,
хоть предки их – турсы».

Один сказал:

50 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
кто наследьем богов
завладеет, когда
пламя Сурта погаснет?»

[Вафтруднир] сказал:

51 «Будут Видар и Вали
в Асгарде жить,
когда пламя погаснет,
Моди и Магни
Мьёлльнир возьмут,
когда Вингнис погибнет».

[Один] сказал:

52 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
как Один свою

жизнь завершит,
когда боги погибнут?»

Вафтруднир сказал:

53 «Фенрир проглотит
отца всех людей,
но мстить будет Видар;
пасть разорвет он
свирепую волчью,
возмездье свершая».

Один сказал:

54 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
что сыну Один
поведал, когда
сын лежал на костре?»

Вафтруднир сказал:

55 «Никто не узнает,
что потаенно
ты сыну сказал!
О кончине богов
я, обреченный,
преданья поведал!
С Одним тщился
в споре тягаться:
ты в мире мудрейший!»

Речи Гримнира

О сыновьях конунга Храудунга

У конунга Храудунга было два сына: одного звали Агнар, другого – Гейррёд. Агнару было десять зим, а Гейррёду – восемь. Однажды они поехали вдвоем на лодке со своею снастью половить рыбу. Ветер унес их в открытое море. В ночной темноте их лодка разбилась о берег, они вышли на него и встретили там старика. У него они перезимовали. Старуха ходила за Агнаром, а старик – за Гейррёдом. Весной старик дал им лодку. А когда старик и старуха провожали их к берегу, старик поговорил с глазу на глаз с Гейррёдом. Им выдался попутный ветер, и они приплыли к пристани своего отца. Гейррёд был на носу лодки; он выскочил на берег, оттолкнул лодку и сказал: «Плыви туда, где тролли возьмут тебя!» Лодку вынесло в море, а Гейррёд пошел ко двору своего отца. Его хорошо приняли; отец его тогда уже умер. Гейррёд был выбран конунгом и стал знаменитым мужем.

Один и Фригг сидели однажды на престоле Хлидскьяльв и смотрели на все миры. Один сказал: «Видишь ты Агнара, твоего питомца, который народил детей с великаншей в пещере? А Гейррёд, мой питомец, – конунг и правит страной!» Фригг говорит: «Он так скуп на еду, что морит голодом своих гостей, если ему кажется, что их слишком много пришло». Один говорит, что это величайшая ложь, и они бьются об заклад об этом.

Фригг послала свою служанку Фуллу к Гейррёду. Она велела остеречь его против чар колдуна, который пришел в его земли, и сказала, что его легко узнать по тому, что ни одна собака, как бы она ни была зла, не нападет на него. Что Гейррёд скуп на еду, было, действительно, величайшей неправдой. Но человека, на которого собаки не стали лаять, он все же велел схватить. Пришелец был в синем плаще и назвался Гримнир. Больше он о себе ничего не сказал, как его ни расспрашивали. Конунг велел пыткой добиться от него ответа и посадить между двух костров. Так он просидел восемь ночей.

У конунга Гейррёда был сын десяти зим от роду, и он звался Агнар в честь брата его отца. Агнар подошел к Гримниру, дал ему напиться из полного рога и сказал, что конунг плохо поступает, пытая его, безвинного. Гримнир отпил. Огонь в это время подобрался так близко к Гримниру, что на нем затлел плащ. Он сказал:

1 Жжешь ты меня,
могучее пламя,
огонь, отойди!
Тлеющий мех
потушить не могу я,
пылает мой плащ.
2 Восемь ночей
я в муках провел
без питья и без пищи:
лишь Агнар меня
напоил, и он будет
властителем воинов,
Гейррёда сын.
3 Счастлив будь, Агнар, —
тебе пожелал
Бог Воинов блага:
какую награду
выше найдешь ты
за влаги глоток!
4 Священную землю
вижу лежащей
близ асов и альвов;
а в Трудхейме будет
Тор обитать
до кончины богов.
5 Идалир – имя
месту, где Ульв
палаты построил.
Некогда Альвхейм
был Фрейром получен
от богов на зубок.
6 Третий есть двор,

серебром он украшен
богами благими;
Валаскьяльв двор тот,
он асом воздвигнут
в древнее время.
7 Четвертый – то
Сёкквабекк,
плещут над ним
холодные волны;
там Один и Сага
пьют каждый день
из чаш златокованных.
8 Гладсхейм – то пятый,
там золотом пышно
Вальгалла блещет;
там Хрофт собирает
воинов храбрых,
убитых в бою.
9 Легко отгадать,
где Одина дом,
посмотрев на палаты:
стропила там – копьа,
а кровля – щиты
и доспехи на скамьях.
10 Легко отгадать,
где Одина дом,
посмотрев на палаты:
волк там на запад
от двери висит,
парит орел сверху.
11 Трюмхейм – шестой,
где некогда Тьяци
турс обитал;
там Скади жилище,
светлой богини,
в доме отцовом.
12 Седьмой – это Брейдаблик,
Бальдр там себе
построил палаты;
на этой земле
злодейств никаких
не бывало от века.
13 Восьмой – то Химинбьёрг,
Хеймдалль, как слышно,
там правит в палате:
там страж богов
сладостный мед
в довольстве вкушает.
14 Фолькванг – девятый,

там Фрейя решает,
где сядут герои;
поровну воинов,
в битвах погибших,
с Одином делит.

15 Глитнир столбами
из золота убран,
покрыт серебром;
Форсети там
живет много дней
и ладит дела.

16 И Ноатун тоже —
Ньёрд себе там
построил палаты;
людей повелитель,
лишенный пороков,
владеет святилищем.

17 Видара край
покрыли кусты
и высокие травы;
там на коне
герой обещает
отмстить за отца.

18 Андхримнир варит
Сехримнира вепря
в Эльдхримнире мясо —
дичину отличную;
немногие ведают
яства эйнхериев.

19 Гери и Фреки
кормит воинственный
Ратей Отец;
но вкушает он сам
только вино,
доспехами блещущий.

20 Хугин и Мунин
над миром все время
летают без усталости;
мне за Хугина страшно,
страшней за Мунина, —
вернутся ли вороны!

21 Тунд шумит,
Тьодвитнира рыба
играет в стремнине;
поток нелегко
вброд перейти
тем, кто в битве убит.

22 Вальгринд – ворота,
стоящие в поле

у входа в святилище;
неведомы людям
древних ворот
замки и запоры.
23 Пять сотен палат
и сорок еще
Бильскирнир вмещает;
из всех чертогов
владеет мой сын
самым просторным.
24 Пять сотен дверей
и сорок еще
в Вальгалле, верно;
восемьсот воинов
выйдут из каждой
для схватки с Волком.
25 Хейдрун коза,
на Вальгалле стоя,
ест Лерад листву;
мед сверкающий
в чан она цедит,
тот мед не иссякнет.
26 Эйктюрнир олень,
на Вальгалле стоя,
ест Лерад листву;
в Хвергельмир падает
влага с рогов —
всех рек то истоки:
27 Сид и Вид,
Сёкин и Эйкин,
Свёль и Гуннтро,
Фьёرم и Фимбультуль,
Рейн и Реннанди,
Гипуль и Гёпуль.
Гёмуль и Гейрвимуль
у жилища богов,
Тюн и Вин,
Тёлль и Хёлль,
Град и Гуннтраин.
28 Ви`на – одна,
Вегсвин – другая,
Тьоднума – третья,
Нют и Нёт,
Нённ и Хрённ,
Слид и Хрид,
Сильг и Ильг,
Виль и Ван,
Вёнд и Стрёнд,
Гьёль и Лейфтр, —

те – в землях людей,
но в Хель стремятся.
29 Кермт и Эрмт
и Керлауг обе
Тор вброд переходит
в те дни, когда асы
вершат правосудье
у ясеня Иггдрасиль;
в ту пору священные
воды кипят,
пламенеет мост асов.
30 Гюллир и Глад,
Глер и Скейдбримир,
Синир и Сильвринтопп,
Фальхофнир, Гисль,
Гульлятопп и Леттфети —
те кони носят
асов на суд,
что вершится под сенью
ясеня Иггдрасиль.
31 Три корня растут
на три стороны
у ясеня Иггдрасиль:
Хель под одним,
под другим исполины
и люди под третьим.
32 Рататоск белка
резво снует
по ясеню Иггдрасиль;
все речи орла
спешит отнести она
Нидхёггу вниз.
33 И четыре оленя,
рога запрокинув,
гложут побеги:
Даин и Двалин,
Дунейр и Дуратрор.
34 Глупцу не понять,
сколько ползает змей
под ясенем Иггдрасиль:
Гоин и Моин —
Граввитнира дети, —
Грабак и Граввёллуд,
Офнир и Свафнир, —
они постоянно
ясень грызут.
35 Не ведают люди,
какие невзгоды
у ясеня Иггдрасиль:

корни ест Нидхёгг,
макушку – олень,
ствол гибнет от гнили.
36 Христ и Мист
пусть рог мне подносят,
Скеггёльд и Скёгуль,
Хильд и Труд,
Хлёкк и Херфьётур,
Гейр и Гейрёлуль,
Рандгрид и Радгрид
и Регинлейв тоже
цедят пиво эйнхериям.
37 Арвак и Альсвинн
солнце наверх,
усталые, тащат;
боги меха
кузнечные им
положили под плечи.
38 Свалин зовется
щит, он скрывает
солнца сиянье;
коль упадет он,
пламя охватит
и горы и море.
39 Сколь имя Волка,
за солнцем бежит он
до самого леса;
а Хати другой,
Хродвитнира сын,
предшествует солнцу.
40 Имира плоть
стала землей,
кровь его – морем,
кости – горами,
череп стал небом,
а волосы – лесом.
41 Из ресниц его Мидгард
людям был создан
богами благими;
из мозга его
созданы были
темные тучи.
42 Боги и Ульь
тем благо даруют,
кто пламя размечет;
если снимут котлы,
откроется взорам
мир сынов асов.
43 Ивальда отпрыски

некогда стали
Скидбладнир строить
для сына Ньёрда,
светлого Фрейра,
струг самый крепкий.
44 Дерево лучшее —
ясень Иггдрасиль,
лучший струг —
Скидбладнир,
лучший ас – Один,
лучший конь – Слейпнир,
лучший мост – Бильрёст,
скальд лучший – Браги
и ястреб – Хаброк,
а Гарм – лучший пес.
45 Лик свой открыл я
асов сынам,
близко спасенье;
скоро все асы
собраны будут
за Эгира стол,
на Эгира пир.
46 Звался я Грим,
звался я Ганглери,
Херьян и Хьяльмбери,
Текк и Триди,
Тунд и Уд,
Хар и Хельблинди;
47 Санн, и Свипуль,
и Саннгеталь тоже,
Бильейг и Бальейг,
Бёльверк и Фьёльнир,
Хертейт и Хникар,
Гримнир и Грим,
Глапсвинн и Фьёльсвинн;
48 Сидхётт, Сидскегг,
Сигфёдр, Хникуд,
Альфёдр, Вальфёдр,
Атрид и Фарматюр;
с тех пор как хожу
среди людей, немало
имен у меня.
49 Гримнир мне имя
у Гейррёда было
и Яльк у Асмунда,
Кьялар, когда
сани таскал;
Трор на тингах,
Видур в боях,

Оски и Оми,
Явнхар и Бивлинди,
Гёндлир и Харбард.
50 У Сёккмимира я
был Свидур и Свидрир,
старого турса
перехитрил я,
Мидвитнира сына
в схватке сразив.
51 Пьян ты, Гейррёд!
Пил ты не в меру,
отныне лишен ты
подмоги моей,
эйнхериев помощи,
милости Одина.
52 Много я рассказал,
но мало ты помнишь;
друг тебя предал;
вижу я меч
прежнего друга —
кровью покрыт он.
53 Игг получит
мечом пораженного,
конец твой настал;
разгневаны дисы,
увидишь ты Одина,
коль смеешь – приблизься!
54 Один ныне зовусь,
Игг звался прежде,
Тунд звался тоже,
Вак и Скильвинг,
Вавуд и Хрофтатюр,
Гаут и Яльк у богов,
Офнир и Свафнир,
но все имена
стали мной неизменно.

Конунг Гейррёд сидел, держа на коленях меч, наполовину обнаженный. Услыхав, что Один тут, он встал, чтобы оградить его от огня. Меч выскользнул у него рукоятью вниз. Конунг споткнулся и упал ничком, а меч пронзил его, и он умер. Тогда Один исчез. Агнар же стал конунгом и долго правил.

Поездка Скирнира

Фрейр, сын Ньёрда, сидел однажды на престоле Хлидскьяльв и обозревал все миры. Он взглянул на Ётунхейм и увидел красивую девушку. Она в это время шла из дома своего отца в кладовую. Увидев эту девушку, Фрейр очень опечалился.

Скирниром звали слугу Фрейра. Ньёрд попросил его поговорить с Фрейром. Тогда Скади сказала:

1 «Скирнир, вставай,
ты должен сейчас
у нашего сына
все разузнать —
чем так разгневан
муж многомудрый».

Скирнир сказал:

2 «Словом недобрым
Фрейр мне ответит,
коль стану пытаться
все разузнать,
чем так разгневан
муж многомудрый».

Скирнир [сказал:]

3 «Фрейр, ответь мне,
владыка богов,
поведай, прошу я:
отчего дни за днями
один ты сидишь
в палате пустой?»

Фрейр [сказал:]

4 «Как я поведаю,
воин юный,
о тягостном горе?
Альвов светило
всем радость несет,
но не любви моей».

Скирнир [сказал:]

5 «Так ли любовь
твоя велика,
чтоб о ней не поведать?
Смолоду вместе
мы всюду с тобой
и верим друг другу».

Фрейр [сказал:]

6 «Близ дома Гюмира
мне довелось
желанную видеть;

от рук ее свет
исходил, озаряя
свод неба и воды.
7 Со страстью моей
в мире ничья
страсть не сравнится,
но согласья не жду
на счастье с нею
от альвов и асов».

Скирнир [сказал:]

8 «Дай мне коня,
пусть со мною проскачет
сквозь полымя мрачное,
и меч, разящий
ётунов род
силой своею!»

[Фрейр сказал:]

9 «Вот конь, возьми,
пусть с тобою проскачет
сквозь полымя мрачное,
и меч, разящий
ётунов род,
если мудрый им бьется».

Скирнир сказал коню:

10 «Сумрак настал,
нам ехать пора
по влажным нагорьям
к племени турсов;
доедем ли мы,
или нас одолеет
ётун могучий?»

Скирнир поскакал в Ётунхейм к жилищу Гюмира. Там были злые псы, привязанные у ворот ограды, окружавшей дом Герд. Он подъехал к пастуху, сидевшему на холме, и приветствовал его:

11 «Скажи мне, пастух, —
ты сидишь на холме,
стережешь все дороги, —
как бы мне слово
деве сказать?
В том псы мне помеха».

[Пастух] сказал:

12 «К смерти ты близок
иль мертвым ты стал?

.....

С дочерью Гюмира
речи вести
тебе не придется».

[Скирнир] сказал:

13 «Что толку скорбеть,
если сюда
путь я направил?
До часа последнего
век мой исчислен
и жребий измерен».

[Герд] сказала:

14 «Что там за шум
и грохот я слышу
в нашем жилище?
Земля затряслась,
и Гюмира дом
весь содрогается».

Служанка сказала:

15 «То воин приехал,
сошел он с коня
и пастись пустил его»

[Герд] сказала:

16 «Гостя проси
в палату войти
и меда отведасть!
Хоть я и страшусь,
что это приехал
брата убийца.
17 Ведь ты не из асов
и не из альвов,
не ванов ты сын?
Зачем ты промчался
сквозь бурное пламя
и к нам прискакал?»

[Скирнир сказал:]

18 «Я не из асов
и не из альвов,
не ванов я сын,
но я промчался
сквозь бурное пламя
и к вам прискакал.
19 Одиннадцать яблок
со мной золотых,
тебе я отдам их,
если в обмен
ты Фрейра сочтешь
желаннее жизни».

[Герд сказала:]

20 «Одиннадцать яблок
в обмен на любовь
никогда не возьму я:
Фрейр никогда
назваться не сможет
мужем моим».

[Скирнир] сказал:

21 «Кольцо тебе дам,
что на костре
Бальдра сгорело!
Восемь колец
в девятую ночь
из него возникают».

[Герд] сказала:

22 «Кольца не возьму,
что на костре
Бальдра сгорело!
Вдоволь добра
у Гюмира в доме,
отцовых сокровищ».

[Скирнир] сказал:

23 «Видишь ты меч
в ладони моей,
изукрашенный знаками?
Голову им
Герд отрублю,
коль согласия не даст».

[Герд сказала:]

24 «Угроз не стерплю,
согласьем на них
никогда не отвечу;
но если с Гюмиром
встретишься ты,
вы оба, я знаю,
схватку затеете».

[Скирнир сказал:]

25 «Видишь ты меч
в ладони моей,
изукрашенный знаками?
Старого турса
я им поражу,
в поединке падет он.
26 Жезлом укрощенья
ударю тебя,
покоришься мне, дева;
туда ты пойдешь,
где люди тебя
вовек не увидят.
27 На орлиной скале
ты будешь сидеть,
не глядя на мир,
Хель озирая;
еда тебе будет
противней, чем змеи
для взора людского!
28 Чудищем станешь,
для всех, кто увидит!
Пусть Хримнир глазеет,
всяк пусть глазеет!
Прославишься больше,
чем сторож богов,
сквозь решетку глядящая!
29 Безумье и муки,
бред и тревога,
отчаянье, боль
пусть возрастают!
Сядь предо мной —
нашлю на тебя
черную похоть
и горе сугубое!
30 Тролли вседневно
тебя будут мучить

в жилье исполинов;
в дом турсов инея
будешь всегда
безвольно плестись,
неизбежно плестись;
не радость познаешь,
но тяжкое горе
и скорбные слезы.

31 Трехглавого станешь
турса женой
или замуж не выйдешь!
От похоти сохни,
зачахни от хвори!
Будь, как волчец,
что под камень кладут,
жатву закончив!

32 Я в рощу пошел,
в сырую дубраву
за прутом волшебным;
взял прут волшебный.

33 Ты разгневала Одина,
асов главу,
Фрейр тебе враг:
преступная дева,
навлекла ты богов
неистовый гнев.

34 Слушайте, ётуны,
слушайте, турсы,
Суттунга семья,
и сами асы!

Запрет налагаю,
заклятье кладу
на девы утехы,
на девичьи улады!

35 Хримгримнир турс
за решетку смерти
посадит тебя;

тролли напоят
тебя под землею
козьей мочой;
вкуснее питья

ты не получишь,
не по воле твоей,
но по воле моей!

36 Руны я режу —
«турс» и еще три:
похоть, безумье
и беспокойство;
но истреблю их,

так же как резал,
когда захочу».

[Герд сказала:]

37 «Нет, лучше прими
привет мой и кубок
старого меда!
Не помышляла я,
что люблю
ванов потомка».

[Скирнир сказал:]

38 «Хочу я прямой
ответ получить
до отъезда отсюда:
когда с сыном Ньёрда
свидеться хочешь
и соединиться?»

[Герд сказала:]

39 «Барри зовется
тихая роща,
знакомая нам;
через девять ночей
там Герд подарит
любовь сыну Ньёрда».

Тогда Скирнир поехал назад. Фрейр стоял у входа и приветствовал его и спросил, что слышно:

40 «Скирнир, скажи мне,
прежде чем сбросишь
с коня ты седло:
добился ли ты
девы согласия,
исполнил ли просьбу?»

[Скирнир сказал:]

41 «Барри зовется
тихая роща,
знакомая нам;
через девять ночей
там Герд подарит
любовь сыну Ньёрда».

[Фрейр сказал:]

42 «Ночь длинна,
две ночи длиннее,
как вытерплю три!
Часто казался мне
месяц короче,
чем ночи предбрачные».

Песнь о Харбарде

Тор возвращался с востока и подошел к какому-то проливу. По ту сторону пролива был перевозчик с лодкой. Тор крикнул:

1 «Что там за парень
стоит у пролива?»

Тот ответил:

2 «Что за старик
кричит за проливом?»

[Тор сказал:]

3 «Переправь-ка меня!
Дам пищи на завтра:
за спиною в корзине
еда – нет вкуснее!
В путь отправляясь,
наелся я вдоволь
селедок с овсянкой
и сыт до сих пор».

[Перевозчик сказал:]

4 «Похвалился едой,
а жребий свой знаешь ли?
У тебя, наверно,
и матери нет».

[Тор сказал:]

5 «Весть такая
каждому тягостна —
горько мне слышать
о смерти матери!»

[Перевозчик сказал:]

6 «Едва ли тремя ты
дворами владеешь,
если ты бос
и одет как бродяга:
даже нет и штанов!»

[Тор сказал:]

7 «Правь-ка сюда,
я скажу, где пристать;
чей ты у берега
держишь челнок?»

[Перевозчик сказал:]

8 «Хильдольв челнок
мне поручил,
воин, живущий
в Радсейярсунде;
конокрадов возить
и бродяг не велел он,
но добрых людей
и людей, мне известных;
назовись, и тогда
тебя повезу я».

[Тор сказал:]

9 «Назову свое имя,
хоть я средь врагов,
и о роде скажу:
я Одина сын,
Мейли я брат
и Магни отец;
ты с владыкой богов
беседуешь – с Тором!
Знать я хочу,
как сам ты зовешься».

[Перевозчик сказал:]

10 «Харбард мне имя,
скажу откровенно».

Тор сказал:

11 «А зачем бы тебе скрывать
свое имя, если ты не в

распре?»

[Харбард сказал:]

12 «Хотя бы и в распре,
спасусь от тебя,
если мне смерти
судьба не сулит».

[Тор сказал:]

13 «Неохота мне вброд
брести по заливу
и ношу мочить;
не то проучил бы
тебя, сопляка,
за брань и насмешки,
на берег выйдя!»

[Харбард сказал:]

14 «Я здесь постою,
поджидая тебя;
храбрецов ты не видел
со смерти Хрунгнира».

[Тор сказал:]

15 «О том говоришь ты,
как с Хрунгниром, турсом
каменноглавым,
славно я бился,
но я поразил его
в жарком бою.
А что ты делал, Харбард?»

[Харбард сказал:]

16 «Сидел я у Фьельвара
целых пять зим,
на острове том,
что Альгрён зовется;
бились мы там,
убивали врагов,
и то еще делали —
дев соблазняли».

[Тор сказал:]

17 «Ну и как у вас шло
с ними дело?»

[Харбард сказал:]

18 «Милыми были,
когда покорялись,
разумными были,
верность храня;
веревку они
из песка свивали,
землю копали
в глубокой долине;
я всех был хитрей —
с семьёю я сестрами
ложе делил,
их любовью владел.
А что ты делал, Тор?»

Тор [сказал:]

19 «Я Тьяци убил,
турса могучего,
бросил глаза я
Альвальди сына
в ясное небо;
вот лучший памятник
подвигам Тора,
все видят его.
А что ты делал, Харбард?»

Харбард [сказал:]

20 «Соблазнял я искусно
наездниц ночных,
отнимал у мужей их;
жезл волшебства
Хлебард мне отдал,
турс храбрый, а я
рассудка лишил его».

Тор сказал:

21 «Злом отплатил ты
за добрый подарок».

Харбард сказал:

22 «Срежь ветви дубка —

другой разрастется;
всяк занят собой.
А что ты делал, Тор?»

Тор сказал:

23 «На востоке я был,
там истреблял я
злых жен турсов,
в горы бежавших;
когда б то не сделал,
разросся бы род их
и в Мидгарде люди
жить не смогли б.
А что ты делал, Харбард?»

Харбард сказал:

24 «Я в Валланде был,
в битвах участвовал,
князей подстрекал,
не склонял их к миру;
у Одина – ярлы,
павшие в битвах,
у Тора – рабы».

Тор сказал:

25 «Неравно бы ты
людей разделил,
если властью владел бы».

Харбард сказал:

26 «У Тора сил вдоволь,
да смелости мало;
со страху ты раз
залез в рукавицу,
забыв, кто ты есть;
от страха чихать
и греметь ты не смел, —
не услышал бы Фьялар».

Тор сказал:

27 «Харбард срамной!
Я убил бы тебя,
да пролив мне помеха».

Харбард сказал:

28 «Что спешишь за пролив, —
я не в распре с тобой.
А что ты делал, Тор?»

[Тор сказал:]

29 «На востоке я был,
поток охранял,
со мною схватились
Сваранга дети;
камни кидали,
да нечем кичиться им —
первыми стали
мира просить.
А что ты делал, Харбард?»

Харбард сказал:

30 «На востоке я был,
беседовал с девой,
с белокурой я тешился,
тайно встречаясь,
одарял ее щедро, —
она отдалась мне».

Тор [сказал:]

31 «То встречи изрядные».

Харбард сказал:

32 «Ты мне бы помог
сохранить эту деву».

Тор [сказал:]

33 «Если ведал бы чем,
помог бы охотно».

Харбард сказал:

34 «Поверил бы я,
коль не ждал бы обмана».

[Тор сказал:]

35 «Не кусаю я пяток,

как старая обувь».

[Харбард сказал:]

36 «А что ты делал, Тор?»

Тор [сказал:]

37 «Я жен берсерков
на Хлесей разил;
они извели
волшбою народ».

Харбард [сказал:]

38 «Вот дело позорное —
жен истреблять».

Тор [сказал:]

39 «То были волчицы,
а вовсе не жены:
разбили мой струг,
на подпорках стоявший,
грозили дубинами
и Тьяльви прогнали.
А что ты делал, Харбард?»

[Харбард сказал:]

40 «Был я в дружине,
спешившей сюда
стяг битвы поднять
и копье окровавить».

Тор сказал:

41 «Ты о том говоришь,
чем хотел досадить нам!»

Харбард сказал:

42 «Кольцом я готов
тебе отплатить,
если нам помириться
посредники скажут».

Тор сказал:

43 «Ты где научился
речам глумливым?
Глумливее слов
не слышал никогда я».

Харбард сказал:

44 «Я их перенял
у древних людей
из домашних курганов».

Тор сказал:

45 «Ты ладно придумал
могильные кучи
курганами звать».

Харбард сказал:

46 «Так придумать я вправе».

Тор сказал:

47 «Отплачу я тебе
за обидные речи,
пролив переплыв:
громче волка ты будешь
выть, коль ударю
молотом мощным!»

Харбард сказал:

48 «С любовником Сив
повстречайся в доме, —
важнее тебе
свершить этот подвиг!»

Тор сказал:

49 «Изрыгаешь ты все,
что в рот тебе лезет,
чтоб мне досадить,
воин трусливый!
Сдается, что врешь ты!»

Харбард сказал:

50 «Правду я молвил,
в пути ты мешкаешь,

был бы далеко,
челн захватив мой».

Тор сказал:

51 «Харбард срамной,
задержал ты меня!»

Харбард сказал:

52 «Я не думал, что станет
Асатóру помехой
в пути перевозчик».

Тор сказал:

53 «Слушай совет мой:
греби-ка сюда!
Брань прекратим,
переправь отца Магни!»

Харбард сказал:

54 «Переправы не жди, —
уходи от пролива!»

Тор сказал:

55 «Как в обход мне идти,
коль везти ты не хочешь?»

Харбард сказал:

56 «Быстр был отказ мой,
твой путь будет долог:
до бревна ты дойдешь
и дальше — до камня,
влево возьми —
дойдешь ты до Верланда;
там с сыном Тором
встретится Фьёргюн,
она объяснит
путь в Одина земли,
дорогу к родне».

[Тор] сказал:

57 «Доберусь ли сегодня?»

[Харбард] сказал:

58 «На рассвете с трудом».

[Тор] сказал:

59 «Кратко скажу я
в ответ на глумленья:
тебе за отказ
отомщу при встрече!»

[Харбард сказал:]

60 «Да возьмут тебя тролли!»

Песнь о Хюмире

1 Раз боги с охоты
вернулись с добычей,
затеяли пир,
чтобы всласть насытиться
прутья кидали,
глядели на кровь —
узнали, что вдоволь
котлов у Эгира.

2 Сидел житель гор,
как ребенок веселый,
похожий на сына
Мискорблинди,
грозно сын Игга
глядел на него:

«Пир асам обильный
ты должен устроить!»

3 Дал турсу задира
заботу немалую;
турс отомстить
порешил всем асам:
мужа Сив он котел
достать попросил,
«в котором я смог бы
сварить вам пиво».

4 Не ведали долго
боги великие,
где им найти
котел подходящий,
пока Тюр по дружбе
Тору не подал —

ему одному —
добрый совет.
5 «Живет на восток
от реки Эливагар
Хюмир премудрый
у края небес,
хранит мой отец
огромный котел,
котлище великий
с версту глубиной».

[Тор сказал:]

6 «Добудем ли мы
тот влаговаритель?»

[Тюр сказал:]

«Если дело хитро,
друг, поведем».
7 День целый быстро
из Асгарда ехали,
пока не достигли
Эгиля дома;
он в стойла козлов
круторогих поставил;
в палаты вошли,
во владенья Хюмира.
8 Ненавистную бабку
юноша встретил,
было у ней
девять сотен голов;
другая ж хозяйка
вся в золоте вышла,
светлобровая пиво
вынесла сыну.

[Мать Тюра сказала:]

9 «Ётуна родич!
Укрыть под котлом
хочу я обоих
вас, храбрецов;
зlobен супруг мой
часто бывает
и скуп на еду,
принимая гостей».
10 Но поздно вернулся
распрей зачинщик,

Хюмир суровый,
домой с охоты;
в дом он вошел,
зазвенели льдины,
обмерз у вошедшего
лес на щеках.

[Мать Тюра сказала:]

11 «Будь, Хюмир, здоров
и духом весел!
Сын появился
в палатах твоих,
ждали его мы
из дальнего странствия.
Приехал с ним вместе
Хродра противник,
людям он друг;
прозывается Веор.

12 Видишь, сидят
у торцовой стены,
спрятались оба,
их столб заслоняет».

Турс посмотрел,
и надвое треснул
столб, но прежде
балка сломалась.

13 Восемь котлов
с перекладины рухнуло,
один не разбился,
он крепко был выкован.

Вышли они,
а древний ётун
врагов провожал
пристальным взором;

14 добра он не ждал,
в палате увидев
того, кто принес
великаншам горе.

Три были взяты
быка из стада,
ётун велел
к столу их готовить;

15 все три на голову
стали короче,
в яму сложили
печься их туши.

Прежде чем лечь,
муж Сив один

съел двух быков
Хюмира ётуна;
16 показался седому
приятелю Хрунгнира
Хлорриди ужин
очень хорошим.

[Хюмир сказал:]

«Вечером завтра
нам всем троим
придется уловом
нашим питаться».
17 Веор сказал,
что готов выйти в море,
если приманку
даст ему ётун.

[Хюмир сказал:]

«В стадо иди,
если смелости хватит,
приманки там есть,
турсов губитель!
18 Сдается мне так,
что в стаде быков
приманку для рыбы
легко ты добудешь».
Юноша быстро
в рощу пошел,
увидел он черного
в роще быка;
19 у быка оторвал
турсов губитель
высокую башню
крепких рогов.

.

[Хюмир сказал:]

«Стало не лучше
лодки хозяину,
чем если бы дома
мирно сидел ты».
20 Хозяин козлов
обезьяны родича
подальше просил
направить ладью;
но ётун сказал,

что не станет далеко
в открытое море
в ладье отплывать.

21 Вытащил храбрый
Хюмир китов, —
двух сразу взял
на одно удилище;
а на корме
Одина родич
Веор искусно
вил себе леску.

22 Насадил на крючок
защитник людей,
убийца змея,
голову бычью;
пасть разинул,
наживку увидя,
враждебный богам
пояс земли.

23 Тор-победитель
к борту ладьи
вытащил смело
пестрого змея,
молотом бить
стал он по мерзкой
вершине волос
родича Волка.

24 Взревели чудовища,
стали гудеть
подводные скалы,
земля содрогнулась,
канула снова
на дно эта рыба.

.....

25 Невесел был турс,
когда плыли назад;
Хюмир, гребя,
угрюмо молчал,
руль повернул он
в обратную сторону.

[Хюмир сказал:]

26 «Исполни работу
со мной пополам!
Китов донеси
до двора моего
или волн козла
привяжи покрепче!»

27 Хлорриди струг
ухватил за нос,
втащил коня моря,
воду не вычерпав;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.